

Осень
2025

SÖZDAY

#5

Kazakhstani Independent Literary Magazine

Поэзия

*Вагдеви Махадевич
Александр Синдеркомб*

Проза

*Маншук Кали
Тинкай Тынық-ай*

Переводы

*Cleo Rohn
Мейржан Курманов*

SØZDAY, N°4 (05) 2025

LITPRAKTIKUM
Алматы

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Основан в июне 2024 года

№4 (05) 2025

SØZDAY - международный литературно-художественный журнал, издающийся в городе Алматы, Казахстан. Журнал публикует на своих страницах прозу, поэзию, эссе и литературные переводы.

Главный редактор: Илья Одегов

Литературные редакторы: Владислав Резников, Ольга Капитова

Веб-редактор: Алексей Талаев

Вёрстка и дизайн: Дина Абдулхамид

СММ: Алия Нуржанова

Координатор: Жанара Аламанова

Обложка: FaRiDa

Сайт журнала: www.sozday.kz

E-mail: sozday@sozday.kz

Не является средством массовой информации. Тираж печатной версии - 99 экземпляров. Электронная версия распространяется исключительно в культурных и образовательных целях.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора 4

ПРОЗА

Маншук Кали — СОЛНЦЕ ЛОНДОНА, *повесть* 7

Виталий Волобуев — КИНО, *рассказы* 45

Рена Арзуманова — САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАПА, *рассказ* 55

Тинкай Тынық-ай — УТЁС, *рассказ* 72

ПОЭЗИЯ

Вагдеви Махадевич — ПЕРСОНЫ, *цикл стихотворений* 85

Александр Синдеркомб — ОСЕННИЕ СТИХИ, *стихи* 94

ПЕРЕВОДЫ

Cleo Rohn — LIKE A PRAYER/СЛОВНО МОЛИТВА, *стихи, перевод с английского Мейржана Курманова* 99

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие читатели,

Перед вами пятый, осенний выпуск журнала SÖZDAY!

Осень — это граница между уходящим теплом и наступающими холодами, между расслабленным летом и суровой зимой. И тема пограничности проходит через весь наш номер.

Она звучит и в повести Маншук Кали, где героиня буквально оказывается на стыке двух культур, и у Рены Арзумановой — в столкновении детской любви и взрослого осознания боли, и в тексте Тинкай Тынық-ай, где человек ищет точку опоры между прошлым и настоящим. Даже в рассказах Виталия Волобуева звучит мотив о переходе некой внутренней черты.

В этом же номере вы найдете по-настоящему осенние стихи Александра Синдеркомба, а также поэтический цикл Вагдеви Махаевич, где каждое стихотворение – словно отдельный маленький роман. И это уже о границах между людьми, о том, как мы похожи, но при этом и какие же мы все разные.

А завершающим аккордом номера стали стихи американской поэтессы Клио Роун в переводе Мейржана Курманова. В этих стихах автор исследует парадоксальную природу человеческого бытия – и может быть, там, в этих строках или между ними, мы, наконец, увидим, что границ никаких и нет.

Что ж, приятного вам чтения!

**Илья Одегов,
главный редактор журнала SÖZDAY**

ПРОЗА

Маншук Кали

СОЛНЦЕ ЛОНДОНА

повесть

1.

Меня бесят тупые люди. Хотя и себя я не считаю самой умной. Иногда я тоже туплю, как и все. Однажды я села не на тот автобус и уехала в другой конец города. Или был случай, когда я угостила одноклассника вафлей с арахисом, забыв, что у него аллергия. А еще, как-то раз назвала соседа по парте маменькиным сынком и только спустя несколько минут вспомнила, что его мама умерла. Так что, когда я называю человека тупым, я имею ввиду не тех, кто тупит иногда, а кого-то, вроде нашего физрука, у которого вечные проблемы со словом месячные. Каждый раз, когда он слышит это слово, он краснеет и отводит взгляд. Это так тупо. Уверенна, со словом яйца у него нет проблем.

Я соврала что у меня месячные, потому что мне срочно надо было в кабинет английского.

— Сходи и принеси освобождение из медпункта, — сказал физрук. — Пусть напишет, что у тебя, ээмм, — он неопределенно махнул рукой, — это...

— Месячные, — подсказала я, но он уже отвернулся и поспешил к классу.

Ненавижу ходить в медкабинет. Медсестре лет двести, она, наверное, уже и не помнит, что когда-то тоже была женщиной. На любую боль она предлагает выпить нош-пу и полежать на кушетке, а сама в это время несёт херню, которую ты вынуждена слушать. В

Маншук Кали – прозаик, драматург. Выпускница ОЛША. Финалист драматургического конкурса в рамках фестиваля «Драма.КЗ-2019». Шорт-листер драматургической премии «Theatre503» (2025, Лондон). Сценарист сериала КТК. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Дактиль», «Тамыр», альманахах «Литературная Алма-Ата», «Nickel Copper» и пр. Живет в Алматы, Казахстан.

последний раз, когда я ходила за освобождением, она сказала, что живот у меня болит, потому что я легко одета, и, что у меня простудятся яичники, и я не смогу иметь детей. На что я ответила, что не собираюсь иметь детей, а она воскликнула «Ты же девочка!». Как будто у меня был выбор.

Поэтому я вышла из спортзала и сразу помчалась на второй этаж в кабинет английского. Учительница, едва я вошла, набросилась на меня с наездами из-за того, что я набрала восемьдесят восемь баллов из ста, хотя, учитывая, сколько личного времени она на меня потратила, я должна была набрать хотя бы девяносто. Выговорившись, она протянула мне рекламный буклет с фотками колледжа и программой мероприятий, и я вдруг узнала, что со своими низкими баллами выиграла поездку в Лондон. Я пошла обратно в спортзал, все еще не до конца понимая, рада я или нет. Я не предполагала, что выиграю, и теперь не знала, что чувствовать. Я шла и листала буклет, и остановилась посреди фойе, когда внезапно поняла, что скорее всего никуда не поеду, потому что на самой последней странице прочитала предупреждение — перелет не оплачивался. И пока я так стояла, застыв, а внутри меня в этот момент качался маятник от тихой радости до тупого отчаяния, меня заметила директриса. Она любит время от времени прохаживаться по школе с таким видом, будто ей на нас не насрать, и она за нами следит.

Я попыталась спрятаться за колонной и сделала вид, будто не замечая ее, но она меня окликнула, и сразу же уставилась на мою розовую челку. Она заявила, что красить волосы в яркий цвет запрещено, а сама стоит с фиолетовыми волосами. Не знаю, что за прикол у старых тетенок красить волосы в оттенки фиолетового.

В школе мы носили форму в красно-синюю клеточку, но про волосы в правилах ничего не говорилось. Я специально подходила к доске с распечатанными правилами и проверяла. И я ей так и сказала. Она закивала и улыбнулась, едва заметно. Стоит, кивает и улыбается. Жуть.

— Там написано «опрятный вид». Твои волосы — это не опрятно. Гониво. Я голову утром помыла.

— Ты вообще из какого класса? — спросила она и сощурилась.

И тут она меня узнала. Ещё бы не узнала. В прошлом году в ее кабинет я ходила как на работу. Она перестала улыбаться. Я опустила голову. Я не боюсь учителей, просто ненавижу, когда мне чита-

ют мораль. Несмотря на мой дерзкий вид, я жалела, что покрасила челку. Знала же, придержутся. Айсулу бы сказала, что я специально нарываюсь. Может и так.

— Почему не на уроке?

— У нас физра, а у меня месячные.

Она закатила глаза.

— Какие вы все нежные. Когда я училась, мы в эти дни и на физкультуру ходили и полы в классе мыли. И ничего, никто не умер. У нас в то время было...

— Гавно, — сказала я. Не хотела говорить это вслух, даже не знаю, как-то само вырвалось.

Родителей вызвали в школу, мама разумеется не пришла, зато я сильно удивилась, когда пришел папа. Они в разводе, он с нами и не жил никогда, поэтому видеть его в школе было странно и неловко. Я сидела в приемной, мы с ним сухо поздоровались и больше друг другу ничего не сказали. Да и что можно сказать человеку, которого видишь раз в полгода? Хотя, в последнее время он стал появляться чаще. Наверное, кризис среднего возраста случился или он что-то там осознал. Многие папы так делают, особенно когда дети вырастают. Наверное, им кажется, раз ребенок вырос, ему можно будет объяснить, что отец не такой уж и плохой и ребенок поймет.

Вскоре нас вызвали, мы вошли в кабинет и сели в кресла, которые только выглядели мягкими. Директриса стала жаловаться на меня папе, а я разглядывала ее татуированные брови, пышную укладку, щедро облитую лаком и деловой костюм, обтягивающий фигуру. Она напоминала мне жирную гусеницу, из которой никогда не вылупится прекрасная бабочка. Потом перевела взгляд на папу. Интересно, бесит ли она его так же, как и меня?

— Ну, что скажешь, Нурай? — спросила меня директриса, закончив обвинительную речь.

Да мне, в принципе, нечего сказать. Сама меня сюда вызвала и ждет, что я что-то скажу. Ну хорошо, скажу.

— Вам бы тоже не помешало сменить прическу. Вы уже сто лет так ходите, — сказала я. Я бы может и не говорила такого, но меня вся эта ситуация начинала подбешивать, да еще и отец нервировал своим молчанием. Я не могла понять на чьей он стороне. Он и в прошлом году не приходил, хотя тогда меня реально едва не выгнали. А теперь вот приперся.

— В наше время мы так со старшими не разговаривали, — возмутилась директриса и коснулась каменной челки.

— Вы жили в другой стране, — сказала я. — Даже в другом тысячелетии.

— И очень хорошо жили. Младшие уважали старших, был хоть какой-то порядок.

— Вашей страны все равно уже нет.

И тут папа наконец проснулся.

— В моём детстве учителей больше волновали оценки. — Он взглянул в окно. Вид у него был скучающий.

— В наше время ученики не говорили слово «гавно» в лицо директору.

— Мы говорили «дерьмо», — парировал папа.

О боже, только бы они не пустились в воспоминания. Старики так могут разговаривать часами, особенно когда начинают кидать фразы типа «в наше время», «а вот мы» и так далее. Лучше бы он вообще ничего не говорил, но я хотя бы поняла, что он на моей стороне.

— Я считаю, вы не должны говорить оба этих слова в моем кабинете, — возмутилась директриса. (Папа пробормотал извинения). — Пусть уберёт эти розовые волосы.

— А если не уберу?

Она открыла рот, но, видимо, сходу сказать ей было нечего.

— Почему не уберешь? — спросила она спустя долгие три секунды.

— Потому что розовые волосы — это красиво. И никому не мешает.

— Если я разрешу тебе так ходить, завтра вся школа придёт с такими же волосами. Так нельзя.

— Почему?

— Потому. Сначала волосы, потом одежда. — сказала директриса и снова добавила, — так нельзя.

— Да почему нельзя?

— Потому что есть правила.

— А вы их поменяйте.

— Нет, — она яростно затрясла подбородком, и в третий раз сказала, — нельзя. Сначала волосы, потом одежда, потом поведение. Вы и так неуправляемые.

Она серьёзно считает, что моя чёлка способна на такую революцию?

— В Америке или в Европе все школьники ходят в свободной форме. И всем норм.

Директриса закатила глаза и одновременно с этим глубоко вздохнула, типа её терпение на исходе.

— Мы не в Америке. И не в Европе. Если не будешь подчиняться правилам, я тебя не держу.

Меня передернуло от слов «подчиняться» и «правилам».

— Исключите из школы из-за волос?

Директриса промолчала, но мы прекрасно понимали, что дело не в волосах. А все из-за того случая. Я встала, чтобы уйти, потому что мне стало насрать, вышвырнут они меня или нет, но папа неожиданно предложил компромисс.

— До каникул остался месяц. Разрешите ей доучиться до конца года с розовыми волосами, а в следующем году мы постараемся, чтобы такого не повторилось.

Я сказала, чтобы он тут за меня не решал, но директриса повысила на меня голос.

— Так, все. Хватит! — она подняла руку. — Выйди из кабинета, пока я с твоим отцом разговариваю.

Почему взрослые в школе всегда говорят таким тоном, словно ты полное ничтожество без права голоса? Пришлось выйти и ждать папу в коридоре.

— А ну отойди, не видишь, я здесь только что помыла, — сказала уборщица с ненавистью глядя на мои ботинки. Иногда мне кажется, единственный добрый человек в школе — это сторож, от которого всегда несёт перегаром. Я отскочила, поскольку швабра с серой мокрой тряпкой, едва не прошла по моей обуви. Я любила эти ботинки, копила на них два месяца. Здесь бы еще добавить фразу «копила карманные деньги», но у меня сроду никаких карманных денег не было. «Зачем тебе деньги?» спрашивала мама, не для того чтобы услышать мой ответ. Имелось в виду, у меня есть еда, одежда и крыша над головой, а все остальное, вроде книг, билетов в кино или стаканчика жемчужного чая — пустая трата ее заработка. Поэтому, планируя какую-то покупку, не одобренную мамой, я принималась искать подработку: время от времени присматривала за соседским ребенком или писала сочинения одноклассникам за деньги.

Школа и папа пришли к согласию, но мне такой компромисс не понравился. Было неприятное чувство, будто он меня предал. Мы сели в машину, и я демонстративно уткнулась в книгу.

— Что читаешь? — спросил он.

— «Над пропастью во ржи».

— Отличная книга. Ты знала, что убийца Джона Леннона вдохновился Колфилдом...

— Колфилд бесит, — перебила я. — Белый, привилегированный мальчик из полной семьи, который может позволить себе учебу в частных пансионатах. Уверена, если бы Сэлинджер сделал главным героем девушку, допустим, азиатку, из семьи среднего достатка, которая курит, пьет и приглашает разных парней на свидания, твой Леннон был бы ещё жив. Или бы уже умер от старости.

Папа на это ничего не ответил, даже не посмотрел на меня, только продолжил сосредоточенно вести машину. В последние наши встречи он стал так себя вести, сначала делает вид будто внимательно меня слушает, а потом делает вид, будто задумался над моими словами, хотя я никогда не говорю ничего важного. Я хотела спросить, как он узнал про конфликт с директрисой и почему пришел вместо мамы, но побоялась поднимать эту тему. Я хотела воспользоваться моментом и попросить денег. По моим расчетам мне нужна была тысяча фунтов. И я попросила, но он только покачал головой. Конечно, денег у него не было.

— Зачем тебе столько?

Я не ответила и снова уткнулась в книгу. Зачем спрашивать, если денег нет. Бесит, что у родителей никогда их нет. Особенно, когда я прошу на что-то реально нужное. Я знаю, о чем он думает. Боится, что я спущу деньги на наркоту, все из-за того случая. Да и пришёл он сегодня в школу тоже из-за этого. Мама ему нажаловалась.

Единственный человек, который без лишних вопросов дал бы мне денег — это Айсулу, только она умерла. Хотя дружила я с ней не из-за денег. Да, она была из богатой семьи, училась в старшей школе, сорила деньгами, а еще много читала и с ней было интересно. Думаю, ей было одиноко, потому что родители целыми днями торчали на работе, не подозревая, что их ребёнок спускает все деньги на кайф. Наша дружба продлилась всего шесть месяцев, а потом Айсулу попала с таблетками. И самое подлое, что она сделала — подкинула их мне. Не знаю, на что она рассчитывала, к тому времени

многие в школе знали, что она наркоманка. Со школы меня не исключили. Родители даже оплатили психолога, когда я сообщила им, что Айсулу умерла от остановки сердца, и со мной случилась истерика, и они только и повторяли, как попугаи, «ты не виновата, ты не виновата». Но иногда я вижу, как они смотрят на меня с сомнением. Вот как сейчас отец едва взглянул на меня и сразу же отвернулся, но я увидела в его глазах это бесячее «а вдруг?».

— Если у тебя неприятности..., — начал он и я со стоном закатила глаза.

— Это на билет. Я выиграла поездку в языковой летний лагерь.

— Как это ты смогла?

— Ну да, я же тупая.

— Нет, я просто... не ожидал.

Сомневаться в собственном ребенке так по-родительски. Но, если честно, я и сама не очень понимаю, как у меня получилось. Возможно потому, что у меня есть способности к языку, которые передались от родителей (вранье, потому что они по-английски вообще не говорят), или потому, что я везучая (тоже вранье, если я не учу стих, меня обязательно спрашивают).

Все благодаря Альдо. В школе я ни с кем не дружила, одноклассники считали меня высокомерной. Но на самом деле, думаю я просто повзрослела раньше. Ну реально, о чем можно говорить с подростками, которые играют в танчики, смотрят смешариков и читают «Мятную сказку»? Мой настоящий друг был в сети. С Альдо мы познакомились в чате Roblox, и мне пришлось учить разговорные английские фразы, чтобы как-то изъясняться. Потом мы из этой игры выросли, но общаться не перестали. Спустя год переписки он рассказал, что родился в Перу, но сейчас переехал в Испанию. Я сказала, что живу в Казахстане. Конечно, он не знал где это. “Between China and Russia”, объяснила я. Интересно, почему я знаю где находится Перу и Испания, а он про Казахстан впервые слышит? И ведь территория у нас не маленькая. Я перечислила ему всех, кто прославил нашу страну, но Бората он не смотрел (вообще фильмы не смотрел), Головкина не знал (не любил бокс), Димаша не слушал (его я и сама не слушала). Подозреваю, что он был старше меня лет на пять, а может на двадцать. Возраст друг у друга мы не спрашивали. Мне без разницы сколько лет человеку, если с ним комфортно общаться.

Мой английский стал улучшаться, учительница, заметив прогресс, вызвалась готовить меня к олимпиаде, которую спонсировала частная школа ***. Меня олимпиада не интересовала, и сначала я отказалась, но она позвонила маме, и мне пришлось согласиться, только бы не слушать их нотаций. В течение двух месяцев каждое утро я ставила будильник на 6:30, тащилась в школу, когда уборщиц еще не было, только дворник подметал под окнами, и в холодном классе проходил час интенсивного английского. Учительница приносила распечатки текстов на разные темы, мы читали, обсуждали, записывали, так что к весне мое представление об Англии оказалось калейдоскопом из разных фактов, вроде: «среднегодовое количество осадков в Лондоне меньше, чем в Риме или Сиднее. Так что вечные лондонские дожди — миф», или «англичане занимают первое место в мире по количеству выпиваемого чая», или «англичане высоко ценят приватность. Здесь не принято приходить в гости без приглашения или задавать слишком личные вопросы» и все в таком духе. И в какой-то момент я поняла, что проиграв олимпиаду разобью сердце учительнице, хотя и чувствовала ее прохладное отношение ко мне. Порой мне было ее безумно жаль. Ей хотелось признания за мой счет, иначе как объяснить ее одержимость моими успехами в английском. Но я и сама стала получать удовольствие от дополнительных занятий и старалась выполнять задания.

Вот как-то так и вышло, что теперь меня ждет Лондон, а денег на билет нет.

Мы подъехали к дому, и папа заглушил двигатель.

— Не говори больше слово «дерьмо», — сказала я, распахивая дверцу машины. — От него несет вайбом сорокалетних стариков.

— Я и есть сорокалетний старик.

— Ну, это правда.

— А как надо говорить?

— Гавно.

— Вообще-то, говно. Прямо так и говорить?

— Да. Через а, не через о.

Я захлопнула дверь и зашла в подъезд. Бесит, когда люди боятся называть вещи своими именами, потому что гавно оно и есть гавно.

Дома я показала маме буклет, где красивые фотографии колледжа и счастливые лица детей, сидящих кружком на изумрудном газоне, должны были убедить ее раздобыть денег. Мама, зевая, сказала,

что у нас пока нет лишней тысячи баксов (фунтов, поправила я). И я поставила на этой затее крест, как вдруг спустя пару дней позвонил папа и сообщил, что получил премию, и мы начали собирать документы. Необходимо было доказать, что я не сирота, что мне реально есть куда вернуться и что у одного из родителей имеются деньги на депозите (будто мы не совсем нищие), а значит я не пополнию ряды беженцев. Это было немного унизительно. Я никогда не мечтала жить в Англии, только когда читала рассказы о Шерлоке Холмсе в третьем классе, пока не узнала, что дома под номером 221Б на Бейкер-стрит не существует. Но в британском посольстве вряд ли поверят на слово.

Оставшийся до поездки месяц тянулся долго. В школе все смотрели на меня с завистью, и эта поездка не прибавляла мне популярности, а я считала дни и думала о красных телефонных будках. Типа если позвонить именно из красной будки на номер 666, ответит чел, который знает ответы на все вопросы. Тупость, конечно. Эту байку придумала Айсулу. Когда я узнала, что она была в Лондоне, то спросила, что ей больше всего запомнилось. И она рассказала про будки.

Чемодан я собирала сама, мама встряла только один раз, когда попыталась всучить мне запасную пару старых очков, а я в них похожа на ботана и нос картошкой, и я сказала, что лучше смирюсь с плохим зрением, чем надену их, но мама все равно их положила. Папа повез меня в аэропорт, и в машине смущённо протянул конверт с деньгами, сказал, что купил немного фунтов мне на карманные расходы. Я спрятала конверт во внутренний карман рюкзака вместе с документами, но благодарить не стала. Он тащился от самого себя: нашел денег на билет, на карманные расходы раскошелился, еще и вызвался отвезти в аэропорт. Наверное, видит со сторону картинку счастливых папы-дочки. Я смотрела в окно, чтобы не смотреть на него, но он отражался в стекле. Тогда я закрыла глаза. Если он захочет поцеловать меня на прощание, я точно блевану.

2.

И вот наконец я с чемоданом стою в аэропорту. Мы с папой познакомились с нашей групп-лидер, которую звали Лаура, и я стала присматриваться к группе. Нас было десять человек, и кто-то из

оставшихся девяти (не считая меня) тоже выиграл поездку. Но все казались мне слишком самоуверенными и снобскими, и я гадала кто из них в том же положении, что и я. Сейчас, конечно, все одеваются примерно одинаково — как бомжи, и хвастать дорогими брендами давно вышло из моды, но я ничего не могла поделать с собой и со своим страхом выглядеть бедной.

Папа попрощался и отправился к эскалатору, и с его уходом до меня дошло, что я тут никого не знаю. Совсем никого. Что я проведу три недели с людьми, которых вижу в первый раз в жизни. Лаура — красивая, спортивная, подвижная, преувеличенно бодрая, вся такая наиграно веселая расписывала в красках, как нам будет весело в столице мира — Лондоне. Она назвала город “конфетка для путешественника” и я сразу поняла, что она тупая. Сгруппники на меня поглядывали, но никто не подошел познакомиться. Один мальчик в группе ходил немного враскорячку, и все старались делать вид, что не смотрят на него, и от этого было еще заметнее, когда они все-таки на него смотрели. Его звали Шерхан, и он, кажется, единственный, держался безо всякого высокомерия.

Полет длился десять часов с дозаправкой в Актау, я спала, читала “Тайную Историю” Донны Тартт и толком ни с кем не познакомилась. Я заснула, прислонясь щекой к иллюминатору. Мне снилась Айсулу, как будто бы она летит параллельно с самолетом, как супермен, и мы разговариваем через окно. Я призналась, что раз уж отправляюсь туда, где меня никто не знает, то хочу попробовать побыть другим человеком. А она заржала, как обычно ржала, аж десна стали видны, и вообще на лице один рот остался, и сквозь смех сказала, что для этого придётся умереть и заново родиться.

В Хитроу мы прилетели рано утром, потом еще два часа ехали в городок Элмсвуд, где находился Вудмонт колледж. Шёл мелкий дождь, окна автобуса запотели, я протерла ладонью кружочек на затуманенном стекле и стала смотреть на поля, высоченные деревья и старинного вида домики.

Территория Вудмонт колледжа и вправду оказалась как на рекламном буклете: пушистые ухоженные газоны, высокие вязы, дубы, низкие учебные корпуса бордового цвета с острой крышей, общежитие с уютными квадратными окнами. Все мы вертели головами, даже снобские лица сгруппников на мгновение стали обычными лицами восхищенных подростков.

Кампусы делились на мужские и женские. Те, кто уже успели подружиться, побежали занимать комнаты, селились по двое-трое, в итоге остались я, и ещё три девочки. Одна из них малышка Аружан, на вид не старше десяти, жутко испуганная. Вторая в стильных темных очках и жутко короткой юбке. Такие носила моя бабушка в семидесятых, я видела в альбоме фотки. Смешная была мода, брови ниточкой, пышные прически. Эту девочку звали Мерей. У нее был довольно дерзкий взгляд из-под очков, такие обычно любят поскандалить. Третью звали Инкар, она приехала с братом Нурболатом. Я запомнила их имена, потому что они всю дорогу стукали друг друга по голове пластиковой бутылкой и орали. «Нурболат! Ну прекрати!» или «Инкар! Эй, Инкар! Смотри!» и брат внезапно кидал комок смятой салфетки сестре в голову. Судя по айфонам и высокомерным лицам, они были из богатых.

— Там как раз осталась одна комната, — сказала Лаура, уводя с собой маленькую Аружан. — Идите, идите.

Мы переглянулись и вместе с Мерей и Инкар потащили свои чемоданы на второй этаж. В комнате стояли три кровати, три тумбочки, один шкаф и стол. Окно выходило на аллею и кусочек парка. Раскладывая вещи, мы с Мерей разговорились. Она оказалась тем самым вторым человеком, выигравшем поездку. Мерей училась в гимназии с математическим уклоном. Школа была крутая, хоть и бесплатная, и туда тяжело было попасть. Инкар с нами не разговаривала, но внимательно слушала, хотя и делала вид, что пишет что-то в своем дневнике.

Лаура создала чат группы, и первым сообщением выслала приглашение на ланч. Мы переоделись с дороги и отправились искать столовую. По дороге нам встретила группа французов.

— Нихао! — громко сказали они и поклонились.

— Каничива!

— Бенчилин!

Я скорчила рожу, а Мерей стала объяснять, что мы из Казахстана, но они не слушали. Мы для них узкоглазые, а из какой части Азии им похер.

Войдя в полупустую столовую, мы обнаружили нашу группу за длинным столом. Все жевали сэндвичи. Я села на свободное место возле Лауры и откусив такой же сэндвич, отложила.

— Почему не ешь? — спросила она. — Мы же опоздали на завтрак,

сэндвичи специально для нас приготовили.

— Не люблю свинину, — ответила я.

— Это не свинина, — сказала Лаура.

И мне бы, конечно, промолчать, но мне стало интересно посмотреть на ее реакцию.

— Точно свинина. Я ее всегда узнаю. Я не из верующих, просто не нравится вкус.

Лаура застыла, перестав жевать, обдумывая сообщить группе или нет. Но мои слова уже услышал Самат и закричал на всю столовую “Pork, pork!”. На крики прибежал повар и ещё какой-то розовый мужик и красная тётенька. Начались разборки, Лаура пыталась что-то им объяснить, но все, что они сделали — извинились. Типа, мы не знали, что Казахстан – мусульманская страна. Ну, вообще-то мы светская страна, и в школах носить религиозную одежду девочкам запрещено. Но блин, вся эта ситуация такая тупая, с какой стороны ни посмотри: наша группа не стала есть свинину, хотя мы даже не религиозные, а повара не додумались предложить альтернативу, как будто мы первые мусульмане в этом колледже. Если бы можно было убить взглядом, меня бы уже не было в живых. Лаура смотрела на меня с ненавистью, ведь если бы не мой болтливый рот, который я открыла не вовремя, создав эту неловкую ситуацию, никто не остался бы голодным. И я понимала, что сделала хуже самой себе, поскольку с этого момента Лаура стала ко мне придираться, превратив отстойные каникулы в невыносимые.

Короче, мы не стали доедать сэндвичи, так и оставили надкусанными на столе, и нам ничего не оставалось, как дожидаться обеда. Я хотела пойти исследовать территорию, но нас позвали на экзамен, чтобы определить уровень английского. Вместе с нами в аудитории экзамен сдавали группы китайцев и итальянцев. Я ответила на три вопроса, «как тебя зовут?», «какое у тебя хобби?», «любишь изучать языки?», и села писать эссе о себе.

«Я живу в Казахстане, в Центре Азии. Из моего окна видно горы. Учусь в обычной школе, немного играю на фортепиано, люблю рисовать комиксы. Но больше всего люблю читать. Мне не важно бумажная книга или электронная. У меня есть друг, его зовут Альдо, но он живет в другой стране. И хотя мы ни разу не виделись и, скорее всего, никогда не увидимся, мы много общаемся онлайн. Особенно любим говорить о литературе, компьютерных играх и обсуж-

дать виртуальный мир, который мы бы создали, будь у нас такая возможность. Придумывание мира началось после того, как мы перестали играть в игры, и стали воображать свой на словах. Мы часто спорим о правах людей, и должны ли все быть равны, и какого цвета были бы люди в нашем мире. Поначалу Альдо предлагал построить стену, чтобы отделить адекватных людей от неадекватных. Но мы так и не смогли договориться, как поймем, что человек адекватный. Наверное, я немного философ, потому что люблю думать обо всем: о религии, откуда мы появились, и правда ли, что случился Большой взрыв, и про особое места в космосе, которые называются черными дырами, из которых невозможно выбраться. А ведь есть еще белые дыры, в которые невозможно попасть.» И я бы написала еще много чего, но на моем листке не осталось свободного места, поэтому я приписала в конце мол, «сорри, что так много написала, спасибо, что прочитали». Хотелось быть вежливой.

Нас распределили, и я вместе с Саматом попала в группу продвинутых. После этого мы наконец-то отправились на обед. Кухня здесь реально отстой. Еда невкусная, непривычная, другая. Будь наш колледж дороже, возможно, и еда была бы лучше. Но мне в целом было пофиг, я вообще мало ем.

После обеда начался наш первый урок, на котором мы с Саматом, сидели в окружении китайцев, итальянцев, пары французов и трех испанцев. Преподашу звали Дебора, она была розовой и круглой. Она улыбалась все два часа, пока шло занятие, изо всех сил стараясь быть милой.

Услышав, что я из Казахстана, она спросила, правда ли, что мы едим лошадей. Я кивнула, и она вдруг сделала такое лицо, будто она в ужасе. Она оказалась из тех, кто переигрывают с эмоциями.

— Омайгад! Итальянцы тоже едят лошадей! Для британцев есть лошадей это как есть детей! Мы катаемся на лошадях! Они милые!

Прямо так и говорила с восклицательными знаками.

— Вы едите свиней, а они тоже милые, — огрызнулась я. (И тут же представила, как она втыкает вилку в свиной окорок.) — Все животные милые.

Дебора похлопала глазами.

— Ну да. Да.

Потом очередь дошла до китайцев, и они стали представляться: Рикки, Эппл, Зои, Альберт. Оказывается, они берут себе европей-

ские имена, чтобы их легче было запомнить, потому что китайские трудно произносятся. Дебора только делала вид, что старается запомнить, но за три недели она ни разу не назовет меня правильно.

— Нурия? Нурайя? Нурья?

Позже, когда нас разделили по группам для задания, я спросила настоящее имя у Рикки, она сказала, что ее зовут Сюэцин, означающее «чистота снега». Красивое имя, сказала я. Она улыбнулась в ответ. Но мы не договорили, поскольку к нам присоединились еще три итальянки.

— Работайте вместе, — сказала Дебора, — у вас же так много общего.

Она бы еще сказала, что Ренессанс зародился в Казахстане.

— О чем это она? — спросила я.

— Мы тоже едим лошадей, — сказала итальянка Джулия.

Пока они с китайками обсуждали задание, я спросила у Сюэцин, почему у них одинаковые короткие стрижки.

— Разве тебе не хочется отрастить?

Она провела рукой по своей голове и грустно улыбнулась.

— В нашей школе не разрешается ходить с длинными волосами. До окончания мы должны коротко стричься. Кстати, классная челка. Ты так в школу ходишь?

Я кивнула.

— У вас хорошая школа.

Я усмехнулась, но глядя на ее короткие волосы, мне уже не очень хотелось жаловаться на свою школу. Поэтому я промолчала.

После урока мы отправились на спортивное поле, где должны были играть в баскетбол. Наш физрук говорил с жутким шотландским акцентом, разрешил не играть кто не хочет, и пока я отсиживалась на газоне, прибежала Лаура. Сказала, если я не буду активной, отберет телефон. Я ответила, что у меня ноги болят, а она показала пальцем на хромого Шерхана из нашей группы.

— Видишь Шерхана? Вот у кого ноги болят. Даже он бегает, хоть и инвалид.

— Он не инвалид. Он просто хромает.

Я развернулась, воткнула наушники и наконец-то пошла обследовать территорию. Все вокруг было таким старым, и я вдруг почувствовала ностальгию по временам, в которых никогда не жила. Со мной такое частенько бывает. Здесь я представляла себя какой-ни-

будь готический дамой, поэтому поставила что-то из классики, то ли Вивальди, то ли Сен-Санса. Я их всегда путаю. Музыку знаю, а композиторов путаю. Но я люблю классику, у меня есть отдельный плейлист.

Двор оказался огромным, так что я бы все равно не смогла обойти его весь. Даже не знаю, зачем им столько земли. Лужайки, газоны, деревья. А ещё говорят, у них тут в Европе земли мало. Им, кажется, её девать некуда. Я залезла на дерево и открыла книгу. Когда я устаю или садится социальная батарейка, мне всегда хочется залезть куда-то повыше. Когда смотришь сверху вниз, чувствуешь себя тс, а все остальные внизу превращаются в прс. И я стала об этом думать и решила, что во всех чужих жизнях, кроме своей, я всегда буду прс.

Небо в несколько мгновений затянулось тучами. Старенький садовник с тележкой ходил по этой огромной территории и подстригал деревья. Я поздоровалась, мы немного поговорили о погоде и о дожде, и этот диалог оказался точно таким, какие мы разбирали в школе. Он похвалил моё произношение, и мы еще немного поговорили, но потом пошёл мелкий дождь и мне пришлось вернуться в кампус. Вообще, погода здесь оказалась мерзкая. Обманчивая. С утра светит солнышко, ты надеваешь футболку, тонкие джинсы, а потом солнце за секунду затягивается тучами, заряжает дождь, и ты жалеешь, что не надела колготки и свитер. Такое лето и летом не назовешь. Сыро, холодно, в кампусе еще холоднее, хотя это не остановило некоторых придурков залезть в бассейн. За ужином,ковыряя вилкой говяжью ветчину, я размышляла о веганстве, и вдруг вошёл человек с тележкой. Он торговал снеками и сладостями, мне жутко захотелось поесть что-то привычное, вроде бутера с сыром, но денег у меня было не очень много, и я ничего не купила.

После ужина в комнату вошла уборщица. Их тут две — одна злая, вторая добрая, и нам, конечно же, повезло попасть на злую. Она сходу начала ругаться на чистейшем британском, и это звучало так, словно она напрочь забыла про согласные. Это звучало как “а, о, у, ей”. Мерей ничего не поняла, а мне было смешно, я буквально заслушалась. Оказывается, светильник над моей кроватью отвалился, и это точно не было нашей виной, поскольку мы весь день провели вне комнаты. Уборщица позвала Лауру, но та ничего не решила, поэтому меня заставили заплатить десять фунтов. Да еще и Инкар плакала из-за того, что набрала низкий балл и попала в группу для

самых тупых. Я сказала ей, что вообще-то она сюда для этого и приехала, чтобы учить язык. Если бы она его знала, какой смысл ехать в языковой лагерь? А она ответила, что родители тратят кучу денег на репетиторов, и когда узнают про ее низкий результат, накажут. Мерей сказала, что дело не в деньгах, а в мотивации. У наших родителей нет лишних денег на репетиторов, поэтому мы учим английский сами, бесплатно. Инкар спросила, сколько баллов набрала я, и узнав, что я попала в группу продвинутых, отвернулась и перестала со мной разговаривать. А мне, честно говоря, было насрать на эту маленькую богатую девочку, поэтому я тоже с ней не разговаривала.

Лаура устроила переключку в чате, просила отписаться кто, где и чем занят. Я ничего не написала, типа сплю. Кто-то играл в карты, кто-то читал, Нурболат написал, что курит, Баха написал, что срет. Лаура, конечно же, побежит проверять правда ли, что Нурболат курит, потому что курить у нас строго запрещено, и это точно должно было быть ржачное зрелище, но даже мысль об этом не подняла мне настроение. Я лежала в кровати и чувствовала себя обманутой. Когда едешь в Лондон учить язык в колледже, не ожидаешь, что на самом деле окажешься среди кучи таких же иностранцев, не владеющих английским. Из всех людей, окружавших меня тут, настоящими носителями были всего трое: Дебора, садовник и уборщица.

Лаура перепутала время завтрака, поэтому следующим утром мы с Мерей и Инкар чуть не опоздали. Британский завтрак в колледже — классический завтрак из яичницы, сосисок, булочки с джемом и крепким чаем. Это красиво на фотке в учебнике, только все это невозможно есть. Резиновые яйца, с резиновыми сосисками и резиновыми булочками. Я жевала яблоко. Мальчики тоскливо смотрели на дверь в ожидании торговца снеками, но вскоре выяснили, что он приходит только по вечерам на ужин, поэтому наша группа уныло поплелась после завтрака на урок.

Уроки — отстой. Нас заставили снимать блог про свой кампус. Мы с китайками и итальянками пошли снимать столовую, потом библиотеку, а в конце женский кампус. Я включила камеру на телефоне и вдруг заметила мальчика, который сидел на подоконнике. Я спросила его, что он тут забыл, а он сказал, что он транс, который родился девочкой, и поскольку физически он еще остается девочкой, его поселили в женский кампус. Его звали Мар, он был из Испа-

нии, я сказала, что буду звать его Мара. Он разрешил снять себя на камеру, даже поделился страничкой в инсте. Когда мы просмотрели мою запись на следующем уроке, все страшно им заинтересовались. Позже, в перерыве я заметила, как его обступила толпа, всем захотелось посмотреть на настоящего транса. Да и сам он, вроде тащился. А я подумала, даже если он все это выдумал ради внимания, то почему бы и нет? Люди такие глупые, ведутся на такие вещи.

После обеда Инкар вдруг стала собираться и заявила, что съезжает от нас к Дильназ. Мы не стали выяснять причину. Она морщила нос и все время порывалась открыть окно, хотя было холодно и моросил дождь.

— Она смотрела так, будто мы воняем кошачьим гавном, — сказала я Мерей, когда Инкар наконец ушла.

Сразу после этого в комнату вошла Лаура, и заявив, что ей надо поговорить со мной, выставила Мерей за дверь. Но мы обе знали, что Мерей подслушивает с обратной стороны.

— Ты знаешь, почему Инкар от вас переехала? — спросила Лаура с улыбкой. И я сразу почуяла подвох, потому что взрослые всегда улыбаются, когда хотят сказать какую-нибудь гадость.

— Потому что она богатая и тупая?

Лаура перестала улыбаться.

— Она сказала, что ты не моешься и от тебя воняет.

— Я мылась вчера вечером (это неправда, кстати, но я точно знаю, что от меня не воняет). — Я подошла близко к Лауре и задрала руки. — Здесь такой холод, что вспотеть нереально.

Лаура сморщилась.

— И все-таки ты пахнешь. Не расстраивайся, это нормально в твоём возрасте, — Она снова улыбнулась. — Просто мойся почаще. Кстати, я заберу матрас Инкар, у них в комнате только две кровати. Не на полу же ей спать.

И она вышла, волоча за собой матрас.

— Это неправда, — сразу же заявила Мерей входя в комнату. — Я бы с тобой не жила, если бы ты воняла. Почему ты ее не послала?

Я не знала почему. Вообще-то я редко теряюсь, но иногда дерзкие ответы приходят в голову с опозданием, когда человек уже ушел, а разговор окончен.

Но времени на саможалость не было. Мы схватили тетради и побежали на другой урок, который вел темнокожий преподаватель. И

он понравился мне гораздо больше, чем Дебора, наверное, потому что он был американцем.

В нашу первую поездку в Лондон мы посетили Хэмптон-корт, где некогда жил Генрих VIII, и там офигенно красиво. Меня от одних этих названий и имен кружило. Там была его корона и всякие картины на стенах, а сам дворец огромный как в фильмах. На выходе я купила в сувенирной лавке мягкий брелок с женской фигуркой, с надписью «vote's for women». На обратном пути из автобусного окна увидела красное пятно телефонной будки и решила в следующий раз обязательно найти такую и позвонить на три шестерки.

Все так устали от этой поездки, к тому же снова шел дождь, поэтому за ужином никто не разговаривал. Я мечтала добраться до своей комнаты и завалиться в кровать. Но нас поджидала та злая уборщица. Оказывается, Мерей перед выходом не выключила плойку и на простыне остался черный след. В этот раз мы в самом деле оказались виноваты. Счастье, что пожар не случился. Мерей заставили платить за испорченную простыню пятнадцать фунтов, и Лаура прочитала целую лекцию о технике безопасности, и мы уже легли спать, как снова пришла Инкар с Дильназ и Мадиной и заявили, что мы должны поменяться комнатами, потому что у нас три кровати, а у них две. Мерей посмотрела на меня вопросительно, и я даже хотела уступить, потому что не буду же я вредничать как они. Но тут Инкар подошла к окну и приоткрыла форточку, сморщив нос. И я разозлилась. Сказала, что мне нравится мой вид из окна, и никуда я не перееду. Они переглянулись и предложили нам по двадцать фунтов, видимо, такой вариант событий был учтен. Я подумала и решила поторговаться, потребовала по сотне на каждую (у Мерей округлились глаза), девочки снова пошептались и согласились. Мы взяли с них денег и поменялись комнатами, при этом я умолчала, что светильник над моей кроватью не работает.

Перед сном, укладываясь спать в новой комнате, мы обсудили немного с Мерей как будем представлять свою страну на предстоящем национальном дне. Вскоре она заснула, а я думала, что такого можно рассказать о Казахстане, чтобы запомниться как нация? Between China and Russia... Всем по большому счету плевать, где мы находимся. Мы богаты нефтью, газом, ураном, углем, да и много еще чем, но разве это запоминается? Мы были в составе СССР, но я

об этом мало чего могу рассказать, да и мне такое слушать скучно. Поедание лошадей тоже никого не веселит, скорее вводит в ступор. Китайцы вообще едят все, что шевелится, даже насекомых, но почему-то Дебору это не удивляет. Еще мы кочевали когда-то, у нас много бесплодной земли, бескрайняя степь..., подумала я, и с этими мыслями заснула.

3.

Национальный день пополнился прибывшими армянами, украинцами и еще одной группой китайцев. Новые китайцы были совсем не такие, как «старые». Они скорее походили на нас: разношерстная одежда, прически, гогочущие узкоглазые лица. С армянами и украинцами мы сразу же нашли общий язык, что неудивительно. Мы познакомились на прогулке перед физрой.

Мерей сказала физруку, что у нее месячные (по-английски period), и это прикольно, потому что слово «период» звучит не так стремно, как месячные. Я специально пошла с ней на поле, чтобы посмотреть на реакцию физрука. Он даже не покраснел, понимающе закивал головой и отпустил. И такая реакция меня удивила.

Бездельничать нам больше не разрешали, и я решила пойти на активитис. Ими занимались те, кто не желал потеть и скакать на физре. Мерей пошла со мной, и мы впервые увидели Сьюзан. Хотя, ее скорее надо бы назвать не девушкой, а женщиной, но возраст по внешнему виду было трудно определить. Милая тётенька в смешных носках с зайчиками, надетых под сандалии. В руках Сьюзан держала вязанье. Натурально так щелкала спицами, и первое, что она у нас спросила, это какой посудой мы хотели бы быть. Мерей зависла, а я сходу выпалила что не прочь быть античной вазой, которая пылится себе в углу музея, и никто ее не трогает. Мерей, подумав, сказала, что не прочь быть кофейной кружкой, чтобы ее обнимали каждый день. К сожалению, Инкар, Дильназ и Мадина тоже пришли на активитис и, разумеется, стали смеяться над моим ответом. Но Сьюзан не смеялась, а смотрела вполне серьезно, так что я засомневалась, точно ли я хочу быть античной вазой? Но она никак не прокомментировала наши ответы, и предложила на выбор несколько занятий: плести фенечки, лепить бусы из глины, рисовать масляными красками и вышивать. Все эти занятия нагоняли

блевотную тоску, я уже подумала, не сбежать ли мне на урок физры и сделать вид, что я гоняюсь за мячом. Но Сьюзан, заметив мое замешательство, предложила ничего не делать, а просто поболтать с ней. А мне только дай волю, я ведь люблю трындеть.

— Кто-нибудь желает чай? — предложила вслух Сьюзан.

— А кофе есть? — спросила Инкар.

Сьюзан покачала головой.

— Я не пью кофе, — сказала она.

— Я тоже, — сказала я. — Кофе — это обман. Классный запах и ужасный вкус.

Сьюзан улыбнулась. Мы заварили чай, девочки от него отказались, поэтому пили только мы вдвоем. Разговор пошел о языках. Сьюзан знала шесть и немного русский, а вот к тюркским языкам у нее не было никаких способностей. Она записала несколько казахских слов, и мы поговорили об их значении. Я объяснила ей, что означает слово «шанырак», угостила завалявшимся в кармане куртом, попыталась донести разницу между «азан» и «тан», и что они означают разное время утра, а еще значение слова «береке». Когда мы вышли с урока, Мерей вдруг спросила, не странно ли, что здесь всех учителей называют по имени? Да еще этот «you», вроде бы вежливое «вы», но все равно такое чувство, будто тыкаешь в человека пальцем без уважения. Я с ней согласилась. Наше занятие с Сьюзан отличалось от уроков Деборы. Активитис это и не занятие, а просто кружок, но мне понравилось, будто мы поменялись местами и учителем была я.

После отдыха Лаура собрала нас на футбольном поле и стала торопливо объяснять важность национального дня, мол мы не должны опозориться, надо достойно представить свою стану и прочее. Я сразу поняла, что она паникует и пытается и нас заразить этой паникой. Типа мы будем быстрее соображать? Она предложила переделать песню Бритни и разучить пару движений. Бритни, серьезно? Какой-то отстой. Ее поколение с двадцати до тридцати — еще не взрослые, но уже и не дети. Как смешать деда и современного подростка — получится стареющий подросток, который ничего не шарит в музыке. Наша троица с ней не согласилась. Хотя и они тоже ничего лучше не придумали, как напялить на себя длинные халаты, типа это наша национальная одежда, и рассказать про кочевья, юрты, лошадок и спеть наш гимн. Это было глупо, и я пыталась их

образумить, но меня никто особо не слушал, а спустя сорок минут их галдежа, я вообще перестала вмешиваться. Только в конце встряла. Сказала, что Инкар танцует как пони, она обиделась, а пацаны заржали.

— А ты что предлагаешь? — с наездом спросила Дильназ.

— Можно зачитать что-то из Абая, с переводом конечно же, — сказала я.

Лаура закатила глаза.

— Если не можешь предложить ничего лучше, просто помолчи.

Отстраниться мне не дали, и я согласилась молчать и делать вид что танцую «Камажай», чтобы эта подготовка побыстрее закончилась.

И вот наступил вечер. Все группы собрались в grand hall. Первыми выступили итальянцы, потом китайцы, а после них мы. И во время нашего выступления испанцы вдруг начали ржать. Они и до нас ржали, но именно на нашем выступлении стали прям ржать в голос, что-то орать на испанском и тыкать в нас пальцем, когда мы исполняли свой гимн. Я, конечно, согласна, что наше выступление отстой, но мне жутко не нравится, когда в меня тычут пальцами. Поэтому я перестала петь, спустилась со сцены и подойдя к самому громкому испанцу, пнула его в пах, крикнув при этом «Shut up!». Он согнулся от боли. Подбежала Лаура и Физрук и не дали мне ударить ещё раз, хотя руки у меня чесались. Пока нас разнимали, выступление закончилось.

— Посмотрим, как выступят они, — сказала Мерей, спускаясь со сцены.

Ну и гавнище придумали эти испанцы, точнее ничего вообще не придумали. Орали какие-то слова на испанском, пытались что-то спеть, но это было похоже на кудахтанье петухов в курятнике. Мы стали свистеть, нас поддержали остальные, но испанцы ушли со сцены, продолжая что-то выкрикивать в нашу сторону. Все были взбудоражены, понимали, что назрел конфликт, который никак не разрешился. Мы вернулись в свой кампус, и Инкар вдруг разревелась, заявив, что еще никогда не чувствовала себя такой униженной. Однако Лаура заявила, что мы все выдумываем и что испанцы просто темпераментные. От такого предательства Инкар даже перестала плакать. Тут стали возмущаться все девочки, и не слушая больше Лауру, мы вышли в коридор и пошли искать групп-лидера испанцев

— это девушка, похожая на женственного мужика. Она сказала всего два слова: «Вам показалось», развернулась и ушла к себе. Инкар снова разревелась, причем не как обычно, а как-то с разгоном, и пока мы дошли обратно до своего кампуса, ее рыдания вышли на новый уровень. Я сказала всем, что у нее истерика и здесь только врач поможет. Я это знаю, потому что уже видела такое у мамы.

Лаура повела Инкар к врачу, а мы в молчании расселись в гостиной. За окном снова шел дождь, а во мне кипела злость на девочек, на бесхребетную Лауру, на наших мальчиков и на испанцев. Странно, что они бесили меня меньше всего. Я решила подловить как-нибудь того заводилу и врезать ему, даже если он даст мне сдачи. В конце концов наши казахстанские боксеры одни из лучших, уж в чем мы хороши, так это в драке. Пока я вынашивала план мести, к нам с Мерей вдруг подошли Дильназ и Мадина.

— Нам надо снова подружиться, — сказали они и по очереди протянули руки.

И мы пожали их в отчет, а что еще оставалось?

— Мир, жвачка и всякое такое, — сказала Мадина.

Не сказать, что я прям обрадовалась. Я вообще людям второго шанса не даю. Если человек обосрался один раз, обосрется снова, случись похожие обстоятельства. Я и отцу не верю, который вдруг появился и пытается уделять мне внимание. Вообще, это такая дурацкая вещь — тебе нравится кто-то, но ты точно знаешь, что скоро узнаешь человека получше, и он обязательно разонравится. Айсулу понравилась мне, как только я услышала ее смех. Она ржала в туалете так, что я подумала — кого-то режут заживо, и офигела в тот момент, какой это был свободный смех. Но потом опять, как дура, жила в ожидании, когда же она обосрется. И вот, она умерла, а я чувствую себя обосравшейся вместо неё. Поэтому я предпочитаю, чтобы люди меня бесили, тогда перестаешь ждать подвоха.

Но топор войны полузарыт — полувыкопан. На этой радостной ноте из медкабинета вернулась Инкар. Лаура усадила ее в кресло, а сама села рядом на пол. Инкар двигалась заторможено, как будто находилась в бассейне и с каждым движением преодолевала сопротивление толщи воды. В ее глазах мерцал неестественный блеск, и улыбочка застыла на губах жуткая, как у Джокера.

— А мы помирились, — сказала ей Дильназ. — Ты ведь с нами?

Инкар закивала и хихикнула. Девочки переглянулись.

— Что с ней? — спросила Мадина.

Тупой вопрос. Что может быстро сделать врач, когда у человека истерика? Логично, что ей дали таблетку.

— Она под кайфом, — сообщила я девочкам.

— Ей дали антидепрессанты, — сказала Лаура, скользнув по мне свирепым взглядом.

Она и сама улыбалась, но не так как Инкар. Ей было радостно, что мы наконец помирились, и конфликт в группе исчерпан сам собой, без ее усилий.

Я оставила девочек и сбежала во двор. У здешнего неба такой вид, будто его тошнит, но все, что под ним, выглядит офигительно здоровым: изумрудные лужайки, самодовольные деревья с густой кроной, упитанные люди там и сям... что-то здесь не так, но что — непонятно. И почему здесь холодное лето, отстойная еда, но ощущение уюта всегда преследует? Возможно, все дело в жёлтом сиянии торшеров? Тот самый ламповый свет в окне, который манит войти внутрь кампуса. Уют — это оказывается не про тепло, а про холод. Когда все вокруг недружелюбное, серое, мокрое и холодное, и ты торопишься укрыться от ненастья в тепло и свет, вот только свет этот чаще всего обманчив.

Я давно заметила одно дерево и хотела на него залезть, и, хотя меня манил обратно тёплый кампус, я не торопилась внутрь. Шла себе и думала обо всем этом (я уже говорила, я люблю философствовать).

Но под деревом уже сидели две фигуры — Сьюзан и Дебора. Сначала я напряглась, услышав высокий голос Деборы, и захотела уйти, но потом различила силуэт Сьюзан и остановилась. Она махнула рукой, приглашая присоединиться. И, конечно же, я должна была уйти, чтобы не нарушать их уединение, но мне захотелось позлить Дебору. Я села рядом с ними на холодную влажную траву.

Я сказала, что вышла подышать и подумать. Сьюзан спросила, о чем именно.

— У нас в Алматы сейчас 42 градуса жары, — сказала я, — от которой можно укрыться в квартире с кондером, но это не уютно. Больше похоже на бегство из апокалипсиса.

— Иногда прохлада может быть уютной, — сказала Сьюзан, заставив меня задуматься. — Неужели с тобой такого никогда не было?

Точно. Такое было, когда мы с Айсулу попёрли прошлым летом

на Чимбулак. Я шла в гору обливаясь потом и материла её сквозь зубы, потому что она отговорила меня сесть в кабинку фуникулера, и мы пешком преодолели подъем за час с передышками, смехом и матом. Я перестала смотреть вверх и просто шла, поймав ритм. Под конец мы уже не говорили, и не дойдя до пика с десятков метров, где таяли грязные холмики последнего снега, сели под широкой синей елью. И в тот момент мне было хорошо, хотя и запульсировал где-то внутри заусенец страха, что этот момент счастья закончится. И сейчас, в моем воспоминании, та прохлада казалась уютной после жары. Я рассказала им это воспоминание.

— Это была природная прохлада, — сказала вдруг Дебора, — как и желтый свет в окне напоминает нам об огне в камине, в котором горят настоящие дрова. Все настоящее лучше искусственного, поэтому у тебя такие счастливые воспоминания.

Как быстро Дебора мне все объяснила. А она не такая уж вредина, решила я и извинившись, оставила их.

На следующий день состоялась поездка в галерею Тейт, это такой музей современного искусства. В автобусе все сидели хмурые и немного пришибленные. Снова шел дождь, дул ветер, хотелось плакать. Мы все перестали враждовать и как-то примирились друг с другом, и это выглядело так: «окей, я понял, что ты идиот, но нам ещё две недели терпеть друг друга, так что молчим». Только Лаура улыбалась во весь рот, но все попытки нас разговорить провалились, и ей ничего не оставалось, как направить лучи своего общения на водителя.

В музее мне было скучно. Все, что здесь выставлялось, сопровождалось пояснительными плашками с мелким шрифтом и плотным текстом, объяснялось значение объектов современного искусства, подробно что здесь представлено и что хотел сказать автор. Поначалу я читала эти пояснения, но потом поняла — то, что я вижу и чувствую, глядя на экспонат не соответствует тому, что написано на плашке. Я решила больше не читать пояснения и не смотреть на имена авторов. Почти сразу отстала от группы и принялась в одиночестве бродить по залам. Единственный экспонат, привлечший мое внимание — пять плакатов в рамках в коридоре между залами. На них по пунктам шли надписи. Все примерно в таком духе:

- я боюсь заходить в лифт с мужчиной;
- я боюсь пустых и темных улиц;

— я боюсь говорить откровенно.

Конечно же я подумала, что здесь перечислены страхи девушек, но у последнего плаката заметила Мару (единственного испанца, с кем можно было нормально поговорить). Он указал на табличку с разъяснением, из которой я узнала, что речь идет о страхах трансгендеров. Оказывается, страхи у них те же, что и у девочек, а может, как и у любого другого незащитного человека.

4.

С национального дня прошла неделя без ссор, конфликтов и драк. Только однажды на физре, когда все играли в волейбол, а я, как всегда, сидела на скамейке с книгой, проходившие мимо испанцы подошли к сетке забора и тыча в наших девочек пальцами принялись кричать «Пута! Пута!». Но на них никто особого внимания не обратил. Возможно, кроме меня никто и не расслышал, что они там кричали.

Занятия не стали лучше или сложнее. Мы съездили на побережье Брайтона, дул злой морской ветер, от которого зуб на зуб не попадал. Заказали пиццу прямо в автобус, и на обратном пути молча ее съели. В музее Гарри Поттера мне было скучно, хотя большинству ребят там понравилось. Все фоткались, как будто собирали улики, доказывающие, что они тут были. Но почему-то все эти вещи перестали меня цеплять как в первые дни. «Конфетка для путешественника» потеряла свою новизну, и я стала ловить себя на мысли, что перестала сравнивать вещи здесь с вещами дома. И даже полет на Лондон Ай, длившийся почти полчаса, не вызвал во мне того волнения, которое я почувствовала в первый день, сидя на дереве и болтая с садовником.

Вдруг выяснилось, что после нашего выступления испанки остановили в коридоре маленького Самата, отобрали тапок, попытались отрезать клочок волос, но он вырвался и убежал. Честно говоря, не думаю, что они собирались его побить, скорее забавлялись. Самат рассказал об этом Нурболату не сразу, а лишь спустя неделю, а тот рассказал всем. Наши мальчишки не могли пойти навалить испанкам, потому что избили Самата девчонки, а сам Самат не позволил нам вступить за него, потому что мы тоже девчонки. И, казалось бы, об этом продолжении конфликта забыли (молчим в духе Лауры, она

делает вид, что не в курсе), но Нурболат, который брат Инкар, сдружился с испанцами, и из-за него к нам снова пришла Инкар. Был вечер, мы с Мерей гадали на картах. Она нагадала себе поцелуи с загадочным блондином, а мне как раз выпал интересный расклад — разочарование и шок. Так она истолковала. Ну, меня разочарование изо дня в день преследует, так что я не стала придавать этому значения, но вот шок меня немного заинтриговал. И в этот момент вошла заплаканная Инкар. Достала пятьдесят фунтов, мол не могли бы мы снова поменяться комнатами, чтобы она могла жить с нами. Дильназ с Мадиной потребовали, чтобы её предатель брат перестал общаться с испанцами, и выгнали ее из комнаты.

При виде денег я усмехнулась.

— Это последние, — сказала Инкар. — У меня больше нет.

— Мы ещё те деньги не потратили, — сказала я. — Почему бы тебе реально не попросить своего брата не общаться с врагами? Объясни, что у тебя из-за него проблемы.

— Он меня не слушает.

— Тогда предложи эти деньги ему.

Инкар вздохнула и на мгновение мне показалось, что она готова выпалить что-то интересное, но она сдержалась.

— Так будете меняться или нет?

— Нет.

Мерей до этого момента молчала, и вдруг, избегая моего взгляда, сказала Инкар, что та может притащить свой матрас. Мерей имела на это право, ведь половина комнаты была ее. Инкар ушла и не вернулась, а на следующий день мы узнали, что Лаура раздобыла ей маленькую комнату на одного. Мы с Мерей не стали обсуждать этот инцидент. Мне это все вообще надоело. Я больше ждала поездку в Лондон на шопинг. Я даже не поверила, когда Лаура написала в чат, что весь завтрашний день мы посвятим покупкам.

За завтраком я от скуки смотрела кто как ест. Я строила башню из еды, Инкар отщипывала булочку мелкими кусочками, Мерей съела кусок ветчины и яйцо, типа белок и все такое, Лаура рассеяно поглощала йогурт, и вообще выглядела так, словно ее здесь не было, а был кто-то другой, притворявшийся ею. Я поняла, Лаура заложник образа, вся такая позитивная, аж зубы сводит, хотя и заметно, как ей с каждым днем все труднее притворяться. Пацаны быстро кусают и ржут, Самат предварительно выковыривает ветчину, Нурболат

весь разложился на столе с локтями и торсом, он бы еще ноги положил. Болтали обо всякой херне: пацаны об играх и фильмах, кто-то пытался рассуждать о политике, девчонки о шмотках и бывших парнях, Дильназ рассказывала о предках, какие они заботливые, милые и богатые. И вдруг, в случайной секундной тишине все ясно слышали тонкий голосок девочки армянки, которая нашла у себя под матрасом записку о призраке первой директрисы, обитающей в кампусе. Большинство присутствующих рассмеялись. Лаура прямо таки расхохоталась, всем видом давая понять, какая это нелепая шутка. Кажется, так она хотела успокоить тех, кто мог испугаться. Но когда слышишь страшилку утром, и в окна светит солнце, кроме смеха эта новость ничего вызвать не может.

За покупками нас привезли в торговый центр где-то в Западной части Лондона. Девчонки металась от одного магазина к другому. Я немного походила с ними, но постоянная нехватка средств приучила меня не поддаваться соблазнам. В сумке у меня лежало сто девяносто фунтов: девяносто от папы (минус десять за лампу) и сто от Инкар. Честно говоря, я еще никогда не чувствовала себя такой богатой. Когда я дружила с Айсулу, она часто прятала в моей сумочке свой кошелек, и, хотя я знала, что она даже примерно не помнит сколько там было наличных, я никогда этим не пользовалась. Это были ее деньги. У Мерей осталось сто фунтов, остальное она потратила на снеки. Другие девочки скупали одежду и бижутерию и вскоре оказались загружены пакетами из масс-маркета. Я спросила Дильназ, почему она не купит что-то из того, что не продается у нас в Казахстане (без подкола, мне реально стало интересно), на что она ответила, лучше она накупит десять вещей средней цены вместо одной. Инкар держалась в сторонке ото всех, но тратилась с таким же рвением, как и остальные. Когда Мерей припомнила ей «последние пятьдесят», Инкар не смутилась, и сказала, что родители прислали еще. На шопинг.

— Мы богатые, — заявила она.

— Только не здесь, — сказала я, указав на ее пакеты.

— Это Масимо Дутти.

— Это масс-маркет для среднего класса.

Инкар надулась, и я ждала, что она скажет гадость в ответ, потому что я только что ткнула её носом в гавно.

— А вы тогда кто, нищета?

Она ушла, высоко задрав подбородок, и мы с Мерей молча смотрели ей вслед, пока Лаура не позвала всех обедать в бургерную. На вопросы девчонок, почему я ничего не купила, я ответила, что состою в экологическом сообществе и борюсь с чрезмерным потреблением. Дильназ с Мадиной усмехнулись, мол, ага, ври больше, но вслух ничего не сказали. Мерей не сдержалась и купила себе колечко «Пандора», но оставила последние двадцать фунтов чтобы потратить их со мной на хэнд-мейд. Вторую половину дня мы собирались на блошинный рынок Портобелло, а мне такое гораздо интереснее, и еще я наделась на низкие цены.

Портобелло Роуд Маркет — рынок, состоящий из ряда тесных лавочек, в которых торгуют старьем, хэнд-мейд вещами, старыми пластинками и прочим барахлом. Мой взгляд цеплялся за разные вещи: фарфоровые статуэтки женщин с голыми грудями, картины, одеяла пэчворк, потертые сапожки со шнуровкой, винтажные платья. Мы с Мерей разделились, поскольку ее больше интересовала одежда, а я большую часть времени провела в антикварной лавке. Хозяйка — улыбчивая старушка с пышными белыми волосами и настоящим британским акцентом, посоветовала мне издание «Франкенштейна» 1995 года, и путеводитель Лондона за 1981 г. Я подумала об отце, который родился в этот год и купила и то, и другое. Кроме меня в лавку заглянул тучный мужчина с сальными волосами, похоже, постоянный покупатель. Он вышел, купив что-то из журналов фэнтези. Было довольно тихо, старые часы с маятником отмеряли время, и мы с хозяйкой разговорились. Ее звали Миранда. Она пустилась в воспоминания, поведала о муже, который пережил вторую мировую и умер от сердечного приступа пять лет назад. Ее рассказ был похож на биографию какого-то исторического деятеля из тех, которые мы так много разбираем на уроках. Но мне почему-то было интересно ее слушать. В какой-то момент мне показалось, что эта старушка — сама Европа, торгующая своим прошлым, которое мы так охотно покупаем.

Айсулу бы здесь понравилось, а может она тут была. И даже купила одну из этих старых книг. Она любила их покупать, жаль только, почти не читала. Откроет, прочтет первые пару страниц, или даже целых пять, если интересно, закроет и ставит на полку. А потом смотрит в Википедии сюжет, критику, находит несколько цитат, и вот книга, считай, прочитана, стоит на полке в библиотеке в ее

голове. И самое интересное, рассуждать она будет о прочитанном с умным видом заядлого читателя. Пока я одолевала маленький томик Кафки, она таким способом успевала прочесть штук десять подобных томов. Не знаю, как это ее характеризовало. Как умного человека, которому не обязательно читать весь текст целиком, чтобы вникнуть в суть, или как поверхностного книголюбца, у которого много денег. Книжки дорожали. Во всяком случае, я на них копила. И даже «Тайную Историю» подарила мне Айсулу, поскольку роман продавался только в дорогом твердом переплете. И все же её библиотека впечатляла любого, кто оказывался у неё в гостях, и на закономерный вопрос она отвечала «ага, все прочла». Моя мама, узнав об этом, как-то сказала, ну и пусть покупает книжки, не наркотики же.

Последние двадцать минут шопинга мы с Мерей потратили на разглядывание бижутерии и аксессуаров. Я купила корсет на шнуровке и перстень с овальным зеленым камнем для мамы. Мерей купила серьги и осталась без денег.

И я бы отметила этот день как один из лучших, но пока мы ждали автобус, произошел дурацкий инцидент. Я стояла по правую руку от Лауры, пока она махала мальчишкам, подзывая их перейти дорогу. Я смотрела на красную телефонную будку, прикидывая, успею ли заскочить и набрать номер. Резкий порыв ветра отбросил мне челку на лицо, и пока я убирала ее с глаз, мы с Лаурой столкнулись локтями, мои очки слетели с носа и упали на тротуар. В следующие три секунды, пытаясь понять, что произошло, Лаура сделала шаг в сторону. Раздался хруст стекла, но я не успела ничего сказать. Мы обе ошарашено посмотрели вниз, где лежали раздавленные очки. Я была зла и на нее, и на себя. Лаура тоже разозлилась.

— Зачем ты встала так близко ко мне? Видишь же, что я мальчишкам машу!

Кто-то из девочек принялся ее успокаивать, мол все в порядке, вы не виноваты.

— Вообще-то виновата, — сказала я.

— Это вышло случайно, — взвизгнула Лаура.

Подъехал автобус, я оглянулась на разбитые очки, сплюснутые на асфальте, но поднимать их не стала. Новые будут стоить тридцать тысяч, но мама, как всегда, захочет сэкономить и либо купит мне дурацкие пластиковые, либо скажет носить старые, пока не по-

явятся лишние деньги. Я смотрела в окно, и как ни старалась, не смогла сдержать слезы. Все контуры в окне размылись. Я жалела, что потратила столько денег на ерунду, когда можно было ничего не покупать и вернуться домой с двумястами фунтов.

— Никогда не думала, что я нищая, — сказала Мерей, усаживаясь на стул после душа в халате и с полотенцем на голове.

— Все относительно. — Я раскладывала на кровати купленные сокровища. — Миллионы людей не имеют крыши над головой и достаточно пресной воды, чтобы мыться каждый день.

— Это ты меня так успокаиваешь?

— Ага. Типа мы боремся с чрезмерным потреблением. — Я пожалела плечами. — Мне от этих мыслей реально легче.

— А мне нет. Это как советовать бедняку лечиться голоданием.

Я засмеялась, но Мерей слишком грузанулась. Я буквально увидела пелену, спадавшую с её глаз.

— В прошлом году я копила деньги на новые наушники, а когда скопила, они подорожали в два раза. Просто за один день. Продавец тогда сказал, что цена в долларах не изменилась, а я подумала, везёт же американцам. Для них цены не меняются.

— Наша нищета сделала нас философами, — отшутилась я. Мне хотелось, чтобы Мерей заткнулась, потому что она снова и снова ковыряла корочку от болячки под названием «комплекс бедняка». — Мы не выбирали, где родиться. Просто кому-то повезло больше.

— Это несправедливо. Я никогда не считала себя бедной. Да, у нас нет лишних денег, но мы и не голодаем. А здесь я прям чувствую себя нищесборкой. — Мерей посмотрела на меня и поняла, что пора завязывать с нытьём. — Лучше я буду представлять Инкар с новыми вещами одну в комнате, бедняжке даже похвастаться некому. Мы злые, да?

— Да, — сказала я.

Даже не знаю, что меня бесило больше, сломанные очки или очередное подтверждение банальной истины «мама всегда права», но я решила не сдаваться так просто. Убрала пустой чехол от очков и старые очки на дно чемодана, и с этого момента до отъезда мир стал для меня размытым. Слух компенсировал плохое зрение, я стала острее чувствовать звуки. Последние дни я лежала и вслушивалась в шорохи, особенно после того, как услышала о призраке первой директрисы.

5.

Мысль напугать испанцев призраком директрисы возникла у меня, едва я услышала об этом за завтраком. Но я никому об этом не говорила и подогревать слухи тоже не стала. Поначалу казалось, никто не воспринимает эту страшилку всерьез, но чем дальше, тем больше, и вот уже на уроке Самат поднял руку и спросил у Деборы, правда ли что в кампусе обитает призрак. Дебора серьезно взглянула на него из-под опущенных очков, затем обвела взглядом весь класс и с улыбкой сказала, понимаю, мол, вам после Гарри Поттера хотелось бы, чтобы в колледже обитали призраки, но это не Хогвартс. Призраков нет и точка. А вот Сьюзан, когда ее спросили о призраке, щелкнула спицами и тоже улыбнулась, но не так, как Дебора, а загадочно, как улыбаются в ужастиках добрые маньяки. Она не стала ничего отрицать. Сказала только, что портрет первой директрисы висит в галерее и, если уж нам так интересно, мы можем на нее посмотреть.

Мы с девочками не подозревали о наличии галереи в колледже, и я уговорила их поискать. Галерея находилась в дальнем здании, где располагался зал для конференций и театр. Портретов оказалось довольно много, и, потратив около часа, мы нашли его. И я не поверила своим глазам — на нас смотрела директриса моей школы. Только вместо короткой стрижки, облитой лаком, у дамы с портрета длинные волосы были собраны в сложную прическу на макушке.

— У тебя такое лицо, будто ты реально призрак увидела, — заметила Инкар.

— Она же вылитая моя директриса, — сказала я, в телефоне зашла на сайт школы и показала им фото.

— Реинкарнация, — засмеялась Мерей. — Она была плохой директрисой, поэтому каждый раз, рождаясь и умирая, вновь становится ею, пока не отработает свою карму.

— А зачем мы сюда пришли вообще? — спросила Инкар.

И я изложила им свой план. Поскольку Инкар была самой высокой, мы решили, что внешне она больше всего подходит под призрака. Все было до банальности просто: сразу после бала переодеться и подловить испанцев возле их кампуса. Мерей будет стоять на страже, Инкар наматывает простыню и выйдет пугать, а я отвечаю за безопасность, если на нас нападут с кулаками. И чтобы подстрахо-

ваться, я решила снимать все на камеру.

Готовясь к выпускному балу, девочки словно с ума посходили. Носились из комнаты в комнату, одалживали друг у друга платья, косметику, лифчики, заколки, утюжки для волос и прочую хрень. У меня было только одно вечернее платье, я решила надеть его, а по-верх затянуть талию корсетом, который купила в лавке.

Вопреки моим ожиданиям, бал оказался совсем не скучным. Мы с Мерей немного постояли, подпирая стенку, и какое-то время наблюдали за толпой. Дильназ танцевала медляк с итальянцем Кристианом, потом они еще какое-то время держались за руки и, кажется, даже целовались (без очков мне было плохо видно), затем куда-то вышли. Сьюзан танцевала сама с собой. Дебору пригласил на медляк физрук, и они танцевали, отстранившись друг от друга на такое расстояние, будто оставили место для кого-то третьего. Лауру пригласил на танец групп-лидер китайцев, и со стороны они вполне гармонично смотрелись. Мерей надела ультракороткую юбку с пайетками, и все парни пялились на ее ноги. Ее пригласил на танец Максим, украинец, который родился в Казахстане и знал несколько матерных слов по-нашему. Меня никто не пригласил, но я не чувствовала себя ущемленной. Я знала, что выгляжу лучше, чем все эти расфуфыренные дурочки, и мальчики меня не зовут танцевать, потому что видели, как я врезала тому испанцу по яйцам.

Становилось душно, я вышла подышать и заметила Дильназ, которая плакала на скамейке. На мой вопрос что случилось, она сказала, что Кристиан ее только что отшил. Я рассмеялась и сказала, что это были самые короткие отношения, что я видела. Она снова заплакала, поэтому я заткнулась, хотя ей кажется и не особо хотелось, чтобы я говорила. Когда девочки плачут, они хотят, чтобы их слушали, а не лезли с советами, это я по себе знаю.

Я посидела с ней еще немного, а потом пошла караулить испанцев. Все прошло как по маслу. Наш план сработал — они напугались. И это оказалось до нелепости легко и просто. Мерей дала знак свистнув, я включила камеру, когда Инкар вышла с простыней на голове. Мальчики закричали тонкими голосами и помчались к своему кампусу. Но вместе с испанцами, мы умудрились напугать Дебору, которая зачем-то торчала в кустах возле их кампуса. Я сразу узнала ее высокий голос, когда она закричала вместе с ними. Телефон в моей руке дрогнул, и не выключая камеру, я побежала на

крик. Инкар убежала в сторону нашего кампуса, Мерей убежала с ней. А я решила провести Дебору.

Я обнаружила ее сидящей на траве. Она сжимала большим и указательным пальцами тлеющую сигарету, и я безошибочно узнала запах травки. Сколько себя помню, от отца всегда пахло этим дымком, но я не догадывалась, что это травка, пока об этом мне не сказала Айсулу. Однажды на мой день рождения, папа пришел с какой-то отстойной плюшевой игрушкой, я познакомила его с Айсулу, он пробыл минут пятнадцать и ушел. А потом она сказала мне, что он курит травку, это точно. Забавно, что он так же безошибочно узнал в ней наркоманку и даже попытался потом объяснить мне, почему я не должна с ней общаться. Он такой, Айсулу наркоманка. А я такая, знаю, ты тоже. И он такой, трава, это легкий наркотик, даже и не наркотик в общем-то. Можно тогда мне тоже курить этот легкий наркотик, спросила я, и он опять не знал, что ответить. Повзрослев, я научилась затыкать родителей, тыча в них их же слабостями.

Я выключила камеру и села рядом с Деборой. Спросила, нужна ли ей помощь. Почти круглая луна, словно одурманенный глаз неба, следила за нами.

— Ты видела призрака? — спросила она.

— Нет, — честно ответила я. Технически, это ведь был не призрак.
— А он был тут?

Она посмотрела на меня и крепко сжав губы промолчала.

— Вы курите травку, — сказала я. — Разве это не запрещено?

— Если ты не скажешь, никто не узнает, — сказала она.

Как же любят взрослые заставлять детей врать и умалчивать. Я не сказала ни да ни нет, только пожала плечами. Она молча затянулась, и мне на секунду стало ее жаль. Возможно, я бы призналась ей, что это была Инкар, а вовсе не призрак, но не могла же я подставлять девчонок.

Дебора улыбнулась и прикрыла глаза. Ее пробрало.

— Говорят, у вас в Казахстане классная дурь.

— Не знаю, не пробовала, — сказала я. — И не собираюсь пробовать. Моя подруга умерла от этого.

Она кивнула, не размыкая век.

Вернувшись в кампус, я обнаружила Мерей, смиренно лежащую в своей кровати. Я показала ей видео с призраком, мы посмеялись и легли. Я спросила, что у нее с Максимом, она сказала, что они два

раза поцеловались, но он ей не нравится, а целовалась она от нечего делать.

Накануне отъезда нам подали гала-ужин, который отличался от обычного наличием пирога из тыквы. Мерей вдруг решила съесть кусочек свинины. Вот в этом она вся. Целуется с парнем, который не нравится, и ест мясо, которое терпеть не может.

— Мне не нравится ее вкус, — пожаловалась она Лауре. — Она несвежая.

— Не хочешь не ешь, — сказала Лаура.

— Хочу, только здесь кроме тухлой свинины ничего нет, — проворчала Мерей, но мясо откусила.

Спустя час к началу занятий Мерей почувствовала себя плохо. Ненавижу свинину, бормотала она снова и снова. Лаура отвела ее в медицинский кабинет, и оставила там отлеживаться до вечера, а я не хотела идти на занятие без нее. Лаура начала ругаться, что пропускать нельзя, тем более последнее занятие. Но я сказала, что все равно не пойду. Тогда она забрала мой телефон в наказание, и мне пришлось достать «Тайную историю». Чтением удалось убить пару часов, но любимый персонаж в книге умер и отложив книгу, я долго сидела оглушенная. Мой мозг перестал отличать реальную реальность от книжной и мне захотелось плакать. Уроки шли до обеда, а после предстояла поездка в Лондон. Голосование в чате выиграл поход в кино на «Барби», против мюзикла «Назад в будущее», за который проголосовала только я. Смотреть фильм мне не хотелось, но Лаура сказала, что не может оставить меня тут и я стала собираться. Пришлось надеть старые очки, без них я даже на большом экране кинотеатра ничего не увижу.

Это была последняя поездка, поэтому вся группа казалась возбужденной. Сегруппники радовались скорому возвращению домой, и я их понимала, потому что эти каникулы оказались не отдыхом, а гавно-марафоном, в котором забег по достопримечательностям сменялся тупыми активитис и тупыми уроками в колледже. Нам показали оболочку Лондона, но сомневаюсь, что кто-то из нашей группы запомнит все, что мы здесь увидели и услышали. Скорее, останется ощущение атмосферы чего-то старинного, прикосновения к культуре чужой, но такой знакомой.

Суровые порывы ветра швыряли капли дождя в окна. Я полезла в карман за телефоном, мне до смерти захотелось послушать ста-

рый рок, но телефона не было, ведь Лаура его так и не вернула. Я подошла к ней, шатаясь в едущем автобусе, а она криво улыбнулась, и сказала, что забыла его в кампусе. Предложила воспользоваться ее телефоном, на что я ответила, что с удовольствием, если у нее в плейлисте есть СОАД, Нирвана, или хотя бы Дорс. Но она слушала Дуа Липу, Бритни Спирс, и другое гавно. Короче, пока мы доехали до города, я была в плохом настроении. Войдя в кинотеатр, я побежала в туалет, а когда вернулась, группа зашла в зал без меня. Контролер меня не впустила, я спросила, не предупредили ли обо мне, билеты мы покупали электронные и подтвердить их я не могла, так как телефона не было.

Фильм шел больше двух часов, я раздумывала что делать дальше. С одной стороны, я была даже рада, что мне не придется смотреть долгий розовый фильм, а с другой – я не знала, как убить время. Я вышла на улицу и побрела куда глаза глядят. Я так часто брожу, когда мы с мамой ссоримся. Это выглядит так: она наезжает, я огрызаюсь. В основном, ее претензии сводятся к моей лени и низкой успеваемости. Я не убираюсь в комнате неделями, но это отнюдь не проявление депрессии или протеста, и на учебу мне не все равно. Я хорошо учусь по предметам, которые мне интересны. Мама часто повторяет фразу «здесь ничего твоего нет», «скажи спасибо что у тебя крыша над головой есть» и пр. и пр., и от этого я не чувствую себя в нашей квартире как дома. Это мамин дом, в котором мне не рады. Я стремилась проводить много времени вне дома, подолгу сидела в фудкорт-зонах, среди таких же неприкаянных подростков, как я. Еще мы часто торчали дома у Айсулу. Там никогда никого не было.

Здесь я не нашла поблизости никаких торговых центров и фудкортков. Набрела на кофейню в соседнем здании и решила пересидеть там. Заказала себе черный кофе, любимый напиток Айсулу, да и ничего другого я не могла себе позволить. Дождь перестал, ветер стих. Я пристроилась у окна, прихлебывала свой кофе и глазела по сторонам. Мне было плохо. Это ощущение, будто в сердце прямо сейчас появляется чёрная пустота. Такое бывало пару раз. Возможно, это чувство возникало, когда мне казалось, что меня предали. Будто никому нет до меня дела, все живут и веселятся, а я лишь наблюдаю. Подобно прохожим, которые проходили мимо, слишком погруженные в себя, не замечая, что я наблюдаю за ними из окна

кафе. Мне было плохо, но я знала, что это скоро пройдет, причем от какой-то ерунды вроде улыбки или комплимента от незнакомого человека. Айсулу говорила «я и есть пустота» и в этот раз, ощущая горечь кофе во рту, я ее понимала. Если бы мне пришлось жить с этим ощущением долгое время, я бы тоже наложила на себя руки.

Так я просидела около двух часов, поглядывая на часы, а затем, спохватившись, помчалась к кинотеатру. Фильм закончился, но я никого не нашла. Сначала подумала, что это злая шутка Лауры, но на улице нашего автобуса тоже не было. Группа уехала без меня. Я осталась одна в центре Лондона без денег и телефона. Осознание этого накрыло меня с такой силой, что я пошатнулась и села на бордюр. В начале каникул Лаура перед каждой поездкой говорила, если потеряемся, звонить ей или ребятам в чат. Проблема в том, что позвонить я не могла. Нужно было обратиться к полисмену, сообщить, что я отстала от группы, но тогда я до этого не додумалась. Вместо этого я принялась бродить по городу, выискивая красную будку, чтобы позвонить Мерей. Как назло, на город опустился туман, и все красное, что попадалось на моем пути, казалось мне маяком надежды, но спустя секунды оказывалось иллюзией. Это были будки, которые внутри оказывались мини-библиотекой с книгами, банкоматами, кофейными автоматами.

В какой-то момент я поняла, таксофоны сейчас никому не нужны, ведь у всех есть телефоны, и мне стало страшно, что я никогда не найду красную будку. Я принялась вглядываться в лица прохожих, чтобы попросить телефон. Не могу сказать точно, сколько времени я так блуждала, но, когда нашла настоящую будку с таксофоном и вошла в неё, долго стояла и не могла поверить. Звонок стоил десять пенсов, междугородний звонок стоил фунт и далее за минуту столько же. В кармане у меня осталось три фунта монетами. Странно, что аппарат в этой будке был старого образца, с монетоприемником и старомодной трубкой на проводе. Может быть его не успели модернизировать, но я постояла так некоторое время, потом бросила монету и поняла, что позвонить Мерей или Лауре или кому-то из группы не смогу, поскольку их номера наизусть я не знаю. Тогда я набрала три шестерки. Автоответчик сказал, что я, возможно, набрала не тот номер. Монета выскочила обратно. Я вновь опустила ее и позвонила Айсулу. Просто так, ни о чем конкретно не думая. Она ответила, немного сонная, но точно трезвая. Чистая, как сказала бы

она сама в прошлой жизни.

— Судя по коду, ты звонишь из Европы.

— Я в Лондоне.

Она рассмеялась.

— Стоишь в красной будке?

— Ага.

Я заметила фигуру за окном. Когда она приблизилась, ею оказался полисмен.

— Как дела? — спросила я.

— Нормально. Держусь. Но ты же знаешь, рано или поздно это закончится.

— Да, знаю. — Я стояла, ощущая себя парящей между мирами.

Её голос в трубке, неумолчно шумящий дождь, полисмен в тумане за стеклом — сюрреалистическая картина из сна. В реальность меня вывел голос автоответчика с просьбой бросить монету, чтобы разговор продолжился. Я опустила еще одну монету.

— Тогда зачем ты звонишь?

— Ты наврала про будки. И про три шестерки тоже.

— А ты реально поверила? — она хмыкнула. — Но ты же не поэтому звонишь.

— Я не знаю, что делать, — сказала я. — У меня нет телефона.

Я рассказала ей, что потерялась.

— Вернись на место.

— Какое место?

Она снова засмеялась.

— Да ладно. Ты всегда знаешь, что делать.

— На какое место мне вернуться?

— То самое. С которого все началось. — Она хихикнула.

Ну вот, опять. Раньше, меня бесили ее шуточки, ее бесконечная ирония, из-за которой становилось невозможно поговорить на серьезные темы. Она не имела ни малейшего понятия, что делать со своей жизнью, и защищалась все понимающей ухмылкой. Я бросила еще одну монету, последнюю, но Айсулу уже положила трубку.

Выйдя из будки, я огляделась. Туман рассеивался, и мне показалось даже, что вот-вот покажется солнце. Я стояла на каменной мостовой, прохожие обходили меня как воды реки обтекают лежащий камень. Мне страшно захотелось остаться прямо здесь, на этой улице. Стать призраком, бродяжничать, раствориться в тумане, чтобы

любая будка могла стать моим домом. Ко мне подошел полисмен и вежливо поинтересовался, не заблудилась ли я. Я спросила у него как пройти к кинотеатру, и он показал мне дорогу. Я ушла не так уж и далеко.

Группа вместе с Лаурой стояли там. Первым меня заметил Ернар, и заорал как дурак: «Вот она идет!». И все посмотрели в мою сторону. Облегчение на лице Лауры, когда она меня увидела, сменилось гримасой злости. Ее рот скривился, и она закричала, ткнув в меня пальцем, но кроме как «ты, ты», в первую секунду сказать ничего не смогла. А потом слова хлынули из нее потоком.

— Ты должна была позвонить! У нас есть инструкция, что делать если потеряешься! Куда ты вообще ходила? Где ты была? А если бы что-то случилось? Отвечаю за вас я, твои родители с меня спросят!

И все в таком духе.

Лаура из тех, кто выколет себе глаза, чтобы и дальше ничего не видеть.

— Вы забрали у нее телефон, — сказала вдруг Мадина, когда Лаура, наконец, замолчала.

— Это вы виноваты, — сказала Дильназ.

— Групп-лидер из вас отстой, — сказала Инкар. — Больше я с вами не поеду.

Группа отошла от Лауры в сторону, только маленькая Аружан осталась с ней, продолжая держать ее за руку.

Фальшивая улыбка Лауры сползла с лица, и она часто-часто заморгала, и вдруг разревелась. Мы стояли и смотрели, как она плачет, но не знали, что делать. Я отвернулась. Не люблю, когда взрослые плачут перед детьми.

— Извини, — тихо сказала Лаура, глядя себе под ноги на асфальт. Это прозвучало внезапно искренне.

— Да ладно, я ведь жива, — сказала я, примирительно.

Я почувствовала, как спину что-то жжет и подняв голову к небу, увидела солнце. Казалось, это было первое солнце за все каникулы. У меня возникло чувство, что я коснулась чего-то вечного, что было тут до меня и останется еще долго после, и оттого вселяющее чувство покоя и защищенности.

И я подумала, как все-таки хорошо, что я жива.

Водитель автобуса посигналил, и мы поехали назад в колледж.

Виталий Волобуев

КИНО

рассказы

СОПЕРНИК

Случилось это в благословенные советские времена, когда мы были молодыми, неверующими, но уверенными в себе. Но именно тогда я столкнулся с тем, что потом сильно изменило мою жизнь.

В то лето меня, молодого шофера, только год назад вернувшегося из армии, снова на полгода забрали на уборку. Вызвали неожиданно и не вовремя — я встретил хорошую, неизбалованную девушку и задумал жениться. Она была родом из деревни, но не из моей, а приезжая. Работала в нашем колхозе агрономом.

Мне она нравилась тем, что не ходила на танцы и всегда была чистенькая и симпатичная. Почему-то и ребята к ней не приставали, то ли боялись отпора, то ли не хотели оказаться в разговоре глупее. А у меня с ней получилось, чем я первое время очень гордился. Я просто все лето, первое после службы, проездил с ней по участку — машина моя была не новой, возить на ней, кроме обедов в поле, ничего было нельзя.

Так и привыкли друг к другу. Когда осенью меня с участка сняли

Виталий Волобуев – поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1956 году на хуторе Дружный Яковлевского района Белгородской области, где и жил до 1997 года. С 1973 по 1989 год работал в местном колхозе трактористом. В 1974–76 годах служил в армии. В 1991 году заочно окончил Литературный институт им. Горького. В настоящее время живёт и работает в Белгороде. Автор нескольких книг стихов. Публиковался в местной периодической печати и московских журналах «Сельская молодёжь», «Слово», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век». Постоянный член жюри белгородских фестивалей поэзии и авторской песни. Лауреат премии «Прохоровское поле» (2019) за книгу «На берегу Вселенной».

и я приехал, чтобы подписать путевки, она так посмотрела, что я чуть не покраснел, вдруг такая нежность подкатила. Взял за руку, говорю: «Весной снова к вам попрошусь». А она молчала-молчала, а потом и говорит: «А до весны что?» С этого все и началось.

* * *

Я теперь вспоминаю это время и все хочу понять, что же сделал не так, отчего случилась вся эта скверная история. Может быть, оттого, что я заранее относился к Люське, так ее звали, как к будущей жене. Я берег ее, берег в буквальном смысле, не настаивал на близости.

Сам-то я святым не был, шоферское дело такое. Были у меня подружки по колхозу, правда, из разведеннок. А Люську не трогал, хотелось, чтобы все было, как положено, после свадьбы. Я, правда, не был уверен, что у нее до меня никого не было, но уж очень этого хотелось, так что я ее не спрашивал. Да все и так вроде бы говорило о ее честности.

Все лето я промотался по казахским степям, не было времени ни писать, ни самому получать письма, нас все время гоняли по разным совхозам. Когда же осенью, уставший, измученный, соскучившийся по родным перелескам да оврагам, вернулся домой, какое жуткое известие ожидало меня!

Неладное я заметил сразу, как пришел домой. Мать посмотрела на меня каким-то странным жалеющим взглядом, но я не придавал этому значения. И только когда вечером стал собираться к Люське, она тихо сказала мне:

— А Люськи твоей нет.

— Как нет? — я подумал уже о самом страшном, и во мне все опустилось.

— В монастырь она ушла.

Я не знал, смеяться или плакать. Слово монастырь я воспринимал только в определенном смысле, как нечто очень далекое от нашей жизни. Но это была правда, Люська, моя Люська, в самом деле ушла в монастырь. Не в том смысле, что решила не выходить замуж или не иметь мужчин, а в самом прямом.

Я сидел и ничего не понимал, а мать глядела на меня и, похоже, сама не верила в то, что сказала. Уж слишком все это было непри-

вычным и не укладывалось в голове. А самое главное, я не знал, что можно сделать, что предпринять. В то, что это конец наших отношений, я тогда бы не поверил, это понятно. Но вот как увидеть ее, поговорить с ней, я не мог ничего придумать.

— Поеду к ней, — наконец выдал я.

— Туда мужчин не пускают, сынок, — сказала мать, глядя на меня с жалостью и безнадежным страданием.

— Когда это случилось? — стал спрашивать я.

— В июле месяце. Говорили, что она с каким-то шабашником спуталась, они у нас ток строили. Правда это или нет, но люди говорили.

Это было невыносимым. Такого удара я никогда не получал, причем удара в самое больное, незащищенное место.

* * *

Мать достала из буфета бутылку водки и поставила на стол.

— Выпей. Теперь в самый раз. Полегче станет.

Она вышла из комнаты, а я смотрел на бутылку и все еще ничего не понимал. Я хотел выпить, но понял, что это не поможет, только разбередит душу, и поставил бутылку под стол.

Вернулась мать и положила передо мной конверт.

— Вот. Она перед тем, как уехать, принесла и велела тебе передать, когда вернешься.

Это была радость. Это была надежда. Я боялся вскрывать конверт, а все смотрел на него, смотрел и не мог оторваться. Руки дрожали, и тут я не выдержал, достал бутылку, налил немного и одним глотком вылил внутрь. Мать подала огурец, но я не стал заедать, обжигающая влага заставила сжаться в кулак, хотя бы на то время, пока пекло в горле. И разорвал конверт.

«Милый мой, — писала Люська. — Вот и все. Судьба моя решена. Прости меня, родной, у меня нет теперь другого пути. Ты меня берег, а я вот себя не сберегла. Я не понимала ничего, думала, что не могу заинтересовать мужчину, раз ты меня не трогал. Я хотела быть твоею, но ты отстранился. Ты только пойми меня. Я думала... Но все это... было так грязно, так гадко. Я грешница, нет мне спасения. И нам с тобой вместе не быть, потому что нет в этом грехе никакой радости, а один... разврат. (Это слово было зачеркнуто.) Будь хоть

ты чистым, а я буду молиться и за себя, и за тебя. Не хочу, чтобы мой грех и на тебе был. Бог даст, увидимся, а нет, значит, на то Его воля. Прощай, милый, прощай навсегда».

Не помню, как я дочитал это письмо. Слезы душили меня, я налил еще водки, но затуманенный мозг все равно не прояснялся, и жуткая тоска сдавила сердце. «Как же так, — думал я, глядя на жалкий листок бумаги, — где правда?» Я готов был ей простить и шабашника, и монастырь, но понимание того, что это уже невосвратимо, бесило меня. Бессилие — то, чего я не мог себе никогда представить, поскольку считал, что все в руках человека, — оно душило меня и связывало по рукам и ногам. Я выпил еще, не закусывая, и свалился, не раздеваясь, в постель.

* * *

Утром я еще раз прочитал письмо и все же решил действовать. Узнал адрес. Деревня, где жили ее родители, была в соседней области. Я выписал свою машину, оплатил, никто не стал меня отговаривать или чинить каких-либо препятствий. Наоборот, заметил, что и начальник, и главбух, и даже кассирша Катенька, когда я платил деньги, пытались как-то помочь мне или, во всяком случае, посмотреть по-доброму, не так, как обычно.

Я гнал машину как никогда. Надежда, снова вспыхнувшая во мне, помогала сохранить ясность головы, я уже не думал ни о чем, а только знал, что могу что-то изменить.

Ее родители приняли меня недобро. Видимо, считали меня причиной того, что случилось. Но когда я рассказал все, как было, старики отошли. Мать, правда, не так уж и сожалела о случившемся, я заметил несколько образов в углу, но отец явно не одобрял поступка своей дочери.

— Все дети как дети, — говорил он, — а она с детства была нелюдимкой. Может, потому что болела часто. А потом вроде ничего, переросла, выучилась — и на тебе! А это, — он показал на образа, — мать уже после того повесила, тоже вроде приобщилась...

— Не болтай, — строго перебила его мать.

Я еще надеялся на что-то, но когда отец принес письмо от нее, понял, что теперь уж точно все кончено.

«Дорогие мама и папа, — писала она, — мне тут живется хоро-

шо. Работаю по специальности, у нас своя теплица. Кормят прилично, об одежде совсем не думаешь. Настоятельница наша прекрасная женщина, настоящая мать. Дух мой укрепился. Вы себе в миру и представить не можете, что это такое, собраться вместе и петь. Будто возносишься на небо, и такая чистота и ясность на душе, что никогда не захочешь вернуться. Я ничего хорошего не могу вспомнить из того, что узнала в миру. Тут я живу, тут я нужна Ему, и я это чувствую. Я знаю, что как бы ни тяжок был мой грех, смогу искупить его и Он мне простит.

Благослови вас Бог».

Я вчитывался в эти «Ему» и «Он» и хотя понимал, что речь тут вовсе не обо мне, но сердце все равно вздрагивало при каждом таком упоминании и не хотело с этим заблуждением расставаться.

* * *

По дороге домой я останавливался у каждого храма, попадавшегося по дороге, смотрел на полуразрушенные стены, купола, а у старенькой действующей церкви долго стоял, глядя на изображение Христа перед входом. Это он отнял у меня мою Люську. Я смотрел на него как на соперника, но понимал, что ничего не смогу с ним сделать.

Потом уже я узнал, что все не так уж безвозвратно, что в монашки сразу не постригают, что, если она захочет, может вернуться, что можно с ней увидеться.

Но я уже ничего не предпринимал. Каким-то шестым чувством понял, что просто не смогу дать ей того, что она обрела там. Я не смог бы ей простить того шабашника, постарался бы забыть, но простить...

Я не смог бы ей дать того душевного покоя, который она обрела там. Но даже не это меня остановило. Просто она вдруг стала выше меня, и я уже не смог бы говорить с ней так, как говорил. Я не был ей теперь даже ровней, а не то что хозяином. И это меня сломило.

С тех пор прошло много лет. У меня семья, дети, внуки. Люську я больше никогда не видел, и к вере пришел не сразу, но именно тот случай стал первой каплей, разрушившей мой прежний, казавшийся таким правильным мир.

КИНО

Наверное, многие помнят старый добрый сериал о милиции «Рожденная революцией». Когда-то давно, в 1976 году, нашу казарму на время отдали киностудии имени Довженко для съемок седьмой серии этого фильма. Весь двор был завален декорациями, помещения забиты реквизитом — всяким старым тряпьем, мебелью, то и дело ходили туда-сюда «герои» фильма. А нас, молодых солдат, постоянно приглашали сниматься в массовых сценах. Этими впечатлениями и навеян предлагаемый рассказ.

На экране идут люди. В телогрейках, старых пальто, немецких шинелях без погон, с разным оружием. Партизаны. Вот пошли подводы, на них раненые, пулеметы «Максим». Одна подвода, вторая, третья, камера поворачивается вслед за идущими за третьей подводой героями фильма, а я все смотрю и смотрю туда, за кадр...

Желающих было много. А солдату все интересно, да и служба идет. Выдали одежду, мне досталась немецкая шинель без погон и буденовка с синей звездой, поскольку фильм черно-белый. Расположились на берегу небольшой речки. Выдали оружие. У меня оказался «Максим». Я впервые видел этот пулемет и страшно гордился своим оружием. Начали организовывать толпу. На трайлере привезли подводы и лошадей. На подводы усадили «раненых». Ко мне подошел кто-то из съемочной группы и сказал:

— Пулемет на телегу!

Я сказал, что пулемет мне выдан под расписку и отдать его не могу.

— Ну хорошо, — сказал он. — Надя, сделай из него раненого.

Надя забинтовала мне руку, голову, красной краской обозначила следы крови, и я с пулеметом взгромоздился на телегу.

Поехали. Я стал осматриваться. Со мной на телеге ехали двое забинтованных мальчишек, парень с усами, и девушка, которую парень называл Викой. Вся толпа и подводы двинулись к лесу. Было шумно. Что-то кричали в мегафон, люди разговаривали, скрипели телеги. Я во все глаза смотрел туда, где на рельсах стояла камера. Мимо нее шли люди, ехали подводы — первая, вторая, третья. За третьей шли актеры. Камера стала поворачиваться за ними. Наша

подвода была четвертой и, проехав камеру, повернутую вперед, я понял, что в кадр нам не попасть. Но я упорно смотрел на камеру, хотя это строго-настрого запретили, и увидел, что и нас должно захватить, хотя бы сзади. Проехали еще метров двести, остановились. Все пошли назад, на старое место. Перед вторым дублем разрешили отдохнуть, и мы разлеглись на траве. Парень с усами вынул фляжку и, сделав глоток из нее, передал ее Вике. Та тоже глотнула и протянула мне:

— Солдат? Глотни разок.

Мне хотелось пить, и я с удовольствием хлебнул из фляжки. Но больше одного глотка сделать не мог от неожиданности. Это был коньяк! Вика рассмеялась:

— Ну, приложился! Чай не вода. Еще четыре дубля.

И мы еще четыре раза повторяли этот маршрут. Было жарко и после каждого дубля делали по глотку. И после каждого дубля Вика становилась веселее, а я шалел от ее веселости. Парень равнодушно смотрел на часы и на нас с Викой. Ребятишки не отводили глаз от лошади. Видно, они впервые катались на подводе, да еще по-настоящему забинтованные. После пятого дубля, уставшие, мы пошли к месту сбора. Я тащил свой «Максим», рядом шла Вика, чуть позади парень с усами. Неожиданно Вика свернула в лес, крикнув оттуда:

— Я сейчас.

Мы остановились и присели.

Прошло минут десять, но Вики не было.

— Сходи, что она там? — сказал парень.

— А пулемет?

— Я посижу, иди.

Я продирался сквозь кусты, не понимая, куда подевалась Вика и как я могу ее найти. Но парень попросил таким тоном, как будто это дело несложное.

Она лежала под деревом, закрыв глаза и заложив перебинтованные руки за голову.

— Нашел? — не открывая глаз, спросила она.

— Мы думали ты по делу.

— Солдат, у тебя девка дома есть?

— Да как сказать, — промямлил я.

— «Как сказать?» Так и сказать. — Она помолчала. — Значит, не дождалась. Вот мы какие, солдат. Да ты не стой надо мной, присядь.

Она открыла глаза.

— Там товарищ ждет, — сказал я.

— Какой он тебе товарищ? Тамбовский волк ему товарищ. Солдат, ты любил когда-нибудь? По-настоящему, не по-пионерски?

— Ну что ты меня спрашиваешь. Любил, не любил, — какая разница?

— Большая разница, солдат. Хочешь, я тебя заколдую?

— А ты умеешь? — решил я поддержать игру.

— Я старая колдунья, солдат. Мне триста лет. Смотри мне в глаза, — неожиданно твердо, даже жестко сказала она.

Я глянул в ее глаза и сердце мое сжалось. На меня действительно смотрела не Вика, а незнакомая женщина, непонятного возраста и происхождения. Лес неожиданно зашумел, как будто порыв ветра прилетел откуда-то прямо к этому месту, минуя остальное пространство. Мне стало страшно. Она положила забинтованные руки мне на плечи и, шепча что-то, приподнялась, не отводя глаз. Зрачки ее были расширены и в них не было дна. Я смотрел в них, забыв обо всем и теряя ощущение времени. Когда я перестал чувствовать ее руки, зрачки сузились, погасли, она снова легла и закрыла глаза. Лес притих. И мне почудилось, что я дома, в своем лесу, и совсем рядом моя деревня, мой дом, и если сейчас пойти вот так, прямо, то я выйду на свой огород.

— Пойдем отсюда, — попросил я, и голос мой дрогнул.

Она открыла глаза и сказала:

— Тс-с-с. Теперь нельзя говорить.

— Почему? — шепотом произнес я, наклонившись к ее уху.

— А вот слушай, — так же шепотом сказала она и притиснула мою руку к левой груди. — Слышишь?

— Что? — прошептал я и во рту у меня пересохло.

— Да иди же, дурачок, — она притянула меня к себе, а я, ничего не соображая, как сноп привалился к ней. Все во мне дрожало.

— Ну что ты? — нетерпеливо спросила она.

— А что? — совсем растерялся я.

— Целуй! Или не умеешь?

— Умею, — соврал я и приложил плотно сжатые губы к краю рта.

— Кто ж так целуется? Да ты совсем мальчик, — она, похоже, начала сердиться. — Ты что, женщину впервые видишь?

Я уткнулся носом в ее грудь и молчал. Она сняла буденовку и

гладила мою забинтованную голову, а я плакал, как мальчишка, не столько от неумения, сколько от внезапного страха, здесь, в глуши, откуда не слышно было ни шума города, ни массовки, ничего.

— Эх, солдат, солдат, — совратила бы я тебя, да место больно неподходящее, — с сожалением сказала Вика.

— А тебе правда триста лет? — успокоившись, спросил я.

— Дурачок ты, солдат, — мужика я уже сто лет не знала, а так хочется, — она привсталала и потянулась.

Что-то в этот момент случилось со мной. Она потянулась, и я узнал прежнюю Вику. Нежность прихлынула к сердцу, я сбросил свою шинель, обхватил Вику в этом потягивании и стал целовать шею, полуоткрытую грудь. Рука лихорадочно расстегивала пуговицы платья тридцатых годов. Добравшись до лифчика, вполне современного, я сдвинул его вверх и, уткнувшись носом в ямку между грудей, прижал их к щекам. Она своими забинтованными руками обхватила мою забинтованную голову и в это время с неба раздался голос:

— Живописная группа!

Я оцепенел.

— А ты шалун, воин, даже про «Максим» забыл. Ну ладно, забавляйтесь, а я пойду.

Вика прикрылась мной и как только он ушел, расхохоталась. Я сидел, ошалевший, мотал головой и смотрел вслед парню. Вика застегнулась, кинула мне шинель.

— Кина не будет, солдат, — сказала Вика. — Бери шинель, пошли домой.

Мы вышли на дорогу. Прямо посреди нее стоял мой «Максим», повернутый в нашу сторону, а парень уже далеко шагнул к месту сбора.

— А что ты шептала? — спросил я, уже подходя к шумной толпе сдающих оружие.

— Я тебе хорошую девку наколдвала. Только не проворонь ее. А меня ты всю жизнь будешь помнить. А забудешь — не будет тебе счастья.

И она снова посмотрела мне в глаза. И снова озноб прошел по мне до самых пяток.

— Иди, солдат, сдавай свое оружие, раз не использовал, — подмигнула она и стала развязывать бинты.

Я сдал свой «Максим», вернулся, но ее уже не было. Бинты валялись на земле. Я поднял один из них, снял свой с головы, связал их узлом и повесил на дерево.

На экране всюду шла война, свистели пули, ухали взрывы, а я все смотрел туда, за кадр, где ехала наша четвертая подвода.

Рена Арзуманова

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПАПА

рассказ

— Папа, — кричу я. — Ты самый лучший папа в мире! Я так тебя люблю!

Мы бежим по лестнице вниз, перескакивая через две ступеньки. Мне на каблуках скакать неудобно, но я скачу. Боюсь отстать. Я и без того в папиных глазах отстаю по всем фронтам.

— Папа, — кричу. — Ты лучший папа!

Кричу ему в затылок. Папа не оглядывается, потому что не слышит. Не слышит потому, что кричу про себя. Вслух я подобного никогда не скажу. Даже шёпотом. Да папа, скорее всего, и не ждет.

Выскакиваем из подъезда в мартовскую серость. Я сгибаюсь по полам и тяжело дышу, а папа смеется. Удивительно, но он всегда найдет повод надо мной посмеяться.

— Тюфяк ты, Сева, — говорит папа. — Три пролета пробежал — и сдулся.

— Тюфяк, — соглашаюсь я.

Папа презрительно щурится, бросает взгляд на мои короткие сапожки с опушкой, заправленные в них узкие джинсы, дергает головой и отворачивается. Закуривает. Я вдыхаю сигаретный дым с аро-

---

Рена Арзуманова – прозаик. Родилась в городе Баку. В 2017 году стала победителем Международного литературного конкурса «Без границ» в Барселоне с рассказом «Мост через жизнь». Рассказы входили в лонг- и шорт-листы премии И.Бабея три года подряд. В 2022 году рассказ «Самый лучший папа» стал дипломантом Премии Бабея. Рассказ «Солнце над домом» стал дипломантом литературного конкурса «Антоновка 40+» в 2020 году. Лауреат Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» с рассказом «Дуй в свою дуду» и литературного конкурса «Ступень к Парнасу». Издано несколько детских книг. Рассказы печатались в журналах «Радуга», «Эмигрантская лира», «Сова», «Сетевая словесность». Живет в пригороде Сиэтла, штат Вашингтон, США. Работает тренером.

матом ментола — и меня накрывает счастьем. Странно, да? Слякоть, сигаретный дым и вдруг — счастье. Но так уж я устроен. У меня все не как у нормальных людей. Так многие считают, не только единственно близкий мне человек.

— Папа...

— Сегодня никак не могу подвезти, — непонятно для чего сказал он. Он меня практически никогда не подвозит.

— Я совсем не это хотел просить. Я хотел...

— Хорошего дня, Сева, — папа хлопнул меня по плечу и торопливо пошел к машине, припаркованной у соседнего подъезда. Я обратил внимание, что папа брезгливо вытер о край куртки ладонь, которой хлопнул меня по плечу. Черт, лучше бы я этого не видел. Счастье моментально выветрилось, и стало зябко. Я натянул на глаза вязаную шапку с большим пестрым помпоном, поднял изрядно потертый меховой воротник широкого красного пальто типа кардиган и пошел к метро, выставив вперед руки, как слепой. Люди расступались, никто не хотел со мной сталкиваться. Не из жалости, нет. Не из сострадания. Просто, кому оно надо — сталкиваться с придурком. Людям и своих неприятностей хватает.

— Палочку купи, урод, — сказал кто-то из прохожих. Зло так сказал. Наверное, серость мартовских дней повышает уровень злости.

— Севка, что ты делаешь, дурак! Упадешь ведь!

Это баб Нина. Моя любимая соседка. Честь и совесть нашего двора. Сидит на лавочке по утрам в любое время года. Говорит, что любит наблюдать, как народ по делам разбегается. На самом деле, я это знаю точно, она просто любит вмешиваться в чужие проблемы. Сидит и ищет проблемы на свою задницу.

Баба Нина — находка для домушника. Она владеет бесценной информацией: кто во сколько уходит и во сколько возвращается, кто лежит в больнице, кто уехал в отпуск, кто держит деньги дома, а кто в банке. И ключи ей практически все соседи доверяют, ну, если надо цветы полить, или кошке корм подсыпать, когда хозяева в отъезде. Еще она могла бы сидеть у домушника на стреме, все равно ведь целый день проводит на лавочке. Но то ли домушники перевелись, то ли баба Нина не идет на сговор, но квартирных краж в нашем доме давно не было.

Я остановился, поднял шапку на лоб и кивнул. Типа поздоровался. Разговаривать не хотелось, но я все же подошел и, галантно со-

гнувшись, чмокнул баб Нину в щеку.

— Что ты, Севушка, не весел? Что головушку повесил? — любит она сыпать прибаутками, хлебом не корми.

Я улыбнулся, заправил за ухо выбившуюся прядь длинных волос и пожал плечами.

— Ты язык-то из задницы достань.

— Доброе утро, баб Нин.

— Как живешь, Севка?

— Нормально.

— Как в институте?

— Нормально.

— На любовном фронте?

— Нормально.

Баба Нина нецензурно, но не зло выругалась и махнула рукой: иди, мол. Она ко мне хорошо относится, но не любит слово «нормально», я точно знаю. Её это слово бесит. Баб Нина сторонник пространных ответов. Но я сегодня не лучший собеседник. Счастье из меня улетучилось вместе с настроением. А без настроения я не разговорчив. Но и уходить, оставив соседку без пищи для переживаний, не хотелось. Я стянул шапку и продемонстрировал ей корни волос, окрашенные вчера в розовый цвет.

— Баб Нин, зацени. Нравится?

— Во дурак! — соседка даже с лавки приподнялась, чтобы лучше меня рассмотреть. Даже очки из кармана достала и нацепила на нос. — Во дурак! Что ж ты над отцом-то изгаляешься, Сев?

— При чем тут отец? Красиво же...

Настроение, как ни странно, улучшилось.

— Дурак.

Я снова натянул шапку, приложил ладонь ребром ко лбу, по-военному развернулся и, чеканя шаг, насколько это возможно в сапожках на каблуке, направился к метро.

— В армию-то пойдешь, Сев? — крикнула баба Нина в спину. Как выстрелила. Соседка — находка не только для домушников, она бы и снайпером была хорошим. А вообще, достала она уже этой шуткой про армию.

Я, конечно, не оглянулся. Я этому научился у папы. Правда, я, в отличие от баб Нины, папе в затылок кричу приятное, но про себя. Про себя, блин!

Дошагал до ближайшего киоска и купил пачку сигарет с ментолом, таких, как курит папа. Сам я курить не люблю, не нравится вкус сигарет. Мне больше нравится клубничная жвачка, из которой можно выдувать розовые пузыри. Но я люблю вдыхать ментоловый запах, поэтому раскуриваю и, держа сигарету между указательным и средним пальцем, изысканно кручу ею перед носом. Может, конечно, не изысканно, но мне хочется так думать.

Пачку сигарет продавец не стал передавать мне из рук в руки, просто швырнул сквозь окно на небольшой прилавок. Мне пришлось прихлопнуть пачку рукой, чтобы та не соскользнула на землю. Не такой я и тюфяк, папа, пусть плохо бегаю (это из-за каблучков), но с реакцией у меня все нормально.

— Спичкой не угостишь? — спросил продавца.

— Чеши отсюда, урод, — ответил добрый парень. — По тебе армия плачет.

— По тебе тоже, жиртрест, — огрызнулся я. — Ты, случайно, не родственник баб Нине?

— Какой баб Нине? — доверчиво спросил продавец. Меня потрясает доверчивость людей, которые минутой ранее хамят. И не поймешь, то ли он хам с уклоном в доверчивость, то ли доверчивый малый с уклоном в хамство.

Я, не ответив, развернулся на каблучках и пошел к метро. Я люблю не отвечать на заданный мне вопрос. В определенных ситуациях, конечно. Например, когда меня посылают в армию. В этом случае хочу оставить последнее слово за собой.

Перешагивая через бордюры, неловко подвернул ногу, оступился. Каблуки — это красиво, но не всегда удобно.

— Придурок, — крикнул продавец из киоска. Что-то все сегодня стреляют мне в спину.

Я, не оглядываясь, поднял руку и показал парню средний палец. Достали все: и люди, и скользкий тротуар. И слякоть мартовская.

— Папа! — мысленно крикнул я. — Ты такой хороший, папа! Ты еще будешь мною гордиться, поверь. Хотя бы потому, что мной больше никому гордиться. У меня больше никого нет.

* * *

Мамы не стало пять лет назад. Неожиданно для нас с папой, хотя мама всегда была склонна к неожиданностям, и папу это раздра-

жало. «Красивая, молодая — и на тебе», — причитала баб Нина. Как будто молодые не умирают. Особенно от неудачных аборт. От неудачных абортов, собственно говоря, только молодые и умирают. Про аборт я узнал спустя год после маминой смерти. Баб Нина проговорила. Проговорила по полной программе: беременной мама была не от папы. Откуда соседка, с которой мама практически не общалась, знает такие подробности, я не стал выяснять. Я трус, наверное.

А в те похоронные дни именно баб Нина жалела меня, пока папа, сам еле живой от горя, занимался делами, не терпящими отлагательств. Ну не отложишь же похороны до тех времен, пока горе отпустит? Даже самый терпеливый при жизни человек, став покойником, ждать не будет. Видимо, смерть дает возможность отыграться на близких за многие годы ожидания непонятно чего.

Так вот, баб Нина тогда забрала меня к себе. Меня просто больше некому было забрать. Папа один ходил по учреждениям. И гроб покупал один. А я в это время отсиживался у соседки, плакал, вскрикивал, как подбитый зверек и пускал соплю пузырями. Баб Нина меня жалела, плакала вместе со мной и прижимала к груди. Меня до этого даже мама никогда к груди не прижимала. А я все думал, что соседка так истово прижимает меня, потому что ей больше некого прижимать. Мы с ней в тот момент удачно нашли друг друга.

Мама была скупой на ласки, даже папа ей это выговаривал во время редких, но громких ссор. Папа кричал, что задыхается от маминой холодности. Я тогда не понимал, как это можно от холода задохнуться, теперь понимаю. Вот как начали жить с папой вдвоем, так сразу понял.

Первое время после похорон я норовил чаще бывать у баб Нины. А что, и кормила меня она, и сочувствовала, и, опять же, к груди прижимала. Мне это было необходимо. Но папа, немного придя в себя, поставил ультиматум: или он, или соседка. Я, конечно, выбрал папу. Не задумываясь. Я бы и сегодня, спустя пять лет после маминой смерти, несмотря на все перипетии нашей с папой совместной жизни, выбрал бы его. Мне просто больше некого выбирать. Но к баб Нине, по секрету от папы, продолжал бегать. Мы просто уже не могли жить друг без друга.

Мама была красивой. Даже очень. Проснувшись утром, она не спешила на кухню готовить нам с папой завтрак, мама приводи-

ла себя в порядок. Из спальни выходила королевой и непременно в туфлях на каблуке — цок-цок-цок. Домашней обуви мама не признавала. Все детство я слышал: «Цок-цок-цок», и меня это успокаивало и радовало одновременно. Мне казалось, что маму по этому звуку легко просчитать, и я всегда буду знать, где она находится. Просчитался я — мама соскочила с дистанции и больше не цокает. И я даже приблизительно не знаю, где она, хотя похоронили её в туфлях на каблуках. Она успела об этом попросить перед смертью. Пришла в себя минут на десять — и сразу про туфли. Про меня перед смертью ничего не сказала, может, даже и не вспомнила про меня, только про туфли... Эх.

— На небе твоя мама, на небе, — говорила мне в те похоронные дни баб Нина.

Я бы с удовольствием поверил и, возможно, успокоился этим, если бы мне было на день маминой смерти два года. Или пять. Или даже десять. Мне кажется, я в десять лет еще совсем дураком был. Но мне-то было двенадцать. Я считал себя взрослым. Я не верил в небо, я верил только в «цок-цок-цок».

— Божья коровка, улети на небко, — пела соседка, прижимая меня к груди. И я задыхался от слез. Почему-то под улетевшую божью коровку плакал особенно сильно.

— Баб Нин, ты сама-то веришь, что мама на небе? — спросил я.

— Верю. Почему нет?

Это «почему нет» не добавляло мне веры.

В день маминых похорон папа напился, и я сбежал к соседке. Она уложила меня спать на диване. Проснулся ночью от того, что кто-то за окном цокал. Цок-цок-цок.

Как я разорался! Скатился с дивана на пол, накрыл голову руками. Баб Нина выскочила из своей комнаты в белой длинной ночной рубашке, как привидение, кинулась ко мне, грохнулась рядом, прижала к груди и завывала в голос вместе со мной. Вот очень я в ней эту готовность к сопричастности ценю: что слезы, что горе, что радость — баб Нина рядом.

А за окном: цок-цок-цок.

— Град это, Севочка, град! Гроза началась, вот те крест! — И широко так себя осенила. — Гроза! Вот градины по жестянке-то и стучат.

— Ма-а-а-а-ма, — выл я. — Это ма-а-а-а-ма на каблуках за окном

ходит.

— Не мама это, Севочка, не мама.

Мне бы ее уверенность.

Цок-цок-цок...

В ту ночь, наоравшись, я так и заснул на полу, придавленный баб Ниной. Так она со мной остаток ночи ничком и пролежала рядом. А утром, как ни в чем не бывало: «Дурак ты, Севка» — это у нее вместо приветствия. И каши манной мне сварила, как я люблю, с большим куском масла, клубничным вареньем и без комочков.

А воздух после грозы за окном был такой, что хоть захлебывайся.

Если я когда-то решу, как и мама, раньше времени уйти из жизни, то не аборт делать буду, а нырну в послегрозовую воздух. И захлебнусь. Но в мои планы, в принципе, не входит преждевременный уход. Как вспомню папу в те похоронные дни, так хочется жить как можно дольше. Только меня хоронить ему не хватало.

* * *

Бегу вдоль институтского забора. Опаздываю на первую пару. То баб Нина отвлекла, то жиртрест этот из киоска. Папа считает, что я легко отвлекаюсь на незначительное, потому что бесхребетный. Не, я с ним не согласен. Просто если не отвлекусь, то как понять, значительно это для меня или нет? Баб Нина, например, для меня очень значительная величина. Мне она даже видится величиной постоянной. Я скорее могу представить, что из моей жизни выпадет папа, чем соседка. Баб Нина — скала. Кремень. Папа тоже мужик крепкий, но он во мне не заинтересован, я это прекрасно понимаю. Через месяц мне исполнится восемнадцать и, вполне возможно, что папа скажет: «Давай, Сева, дальше сам. Живи, как можешь, совершеннолетний уже». И что тогда? Тогда мне только к баб Нине, больше не к кому. И буду каждое утро слушать: «Дурак ты, Сева». Зато могу быть уверенным, что в случае града за окном баб Нина накроет меня своим телом.

Ладно, совершеннолетие только через месяц, не буду себе сегодня настроение этим портить. Сейчас главное — не опоздать. Бегу на каблуках и впервые со дня маминого ухода вдруг подумал: пора на нормальную обувь переходить. Аж бежать перестал и остановился как вкопанный, пораженный этой простой мыслью. Действительно, что ли, взрослею? Потом вспомнил, что меня Катька ждет у входа в

институт, и понесся опять.

Катя действительно стояла у входа и подпрыгивала от нетерпения. Как только заметила меня, вытянула вперед левую руку и постучала правой по тому месту, где обычно часы носят. Сама она часы не носит, но ух как любит стучать по запястью. Я стянул с головы шапку свою дурацкую (впервые так подумал о любимой шапке, в которой хожу и летом, и зимой вот уже пять лет) и замахал ею, как флагом. Как еще дать понять Катьке, что я рад ее видеть?

— Ну ты что? — запищала Катя, как только я взбежал на ступени перед входом. — Опоздаем же.

Голос у моей подружки такой писклявый, что иногда уши закладывает, и вся она такая хрупкая, как птица-колибри. Зато надежная, прям баб Нине смена растет. Никогда меня Катька не бросит: ни в опоздании, ни в радости. Никогда не скажет: «Опаздываешь, Севка, дурак ты такой», говорит: «Опоздаем же». Опоздаем... Мне сразу плакать хочется от того, что мы с ней вместе. Получается, что кроме папы и баб Нины у меня еще и Катька есть. Почему я раньше об этом не думал? Сегодня, прям, день открытий.

— Знаешь, — сказал я Катьке, когда мы бежали по коридору к аудитории, — я решил купить себе нормальную обувь. Выброшу все свои каблук и...

Катя даже перестала бежать, так ее удивило мое сообщение.

— Да ладно? — пропищала она. — А пальто?

— И пальто. Купим мне куртку, да?

Катька подпрыгнула, обняла меня за шею и повисла. Никто кроме нее так бы не отреагировал на моё выздоровление.

— А шапку пока оставлю, хорошо?

Катя чмокнула меня в нос.

— Придурки, — зло сказал пробежавший мимо однокурсник и толкнул меня локтем в бок. Но я устоял. Катя еще раз чмокнула меня, но на этот раз не в нос, а в щеку.

* * *

Познакомились мы с Катей на вступительных экзаменах. На самом первом. Меня папа подкинул к институту и, не выходя из машины, не пожав руки, не пожелав «ни пуха, ни пера», как делают нормальные родители, уехал по делам. Папа не верил, что я поступлю. «С твоими-то знаниями», — говорил папа, а мне слышалось:

«С твоей-то внешностью». А вот баб Нина в меня верила. Говорила: «Таких красивых, как ты, Сева, везде с руками-ногами оторвут». Я не хотел, чтобы меня отрывали, но было приятно это слышать. Еще баб Нина говорила, что и папа в меня верит, просто не знает, как выразить. Говорила, что мы с папой как два дурака, которые хорошее говорят друг другу про себя, а надо — вслух. О том, что я мысленно кричу папе хорошее, соседка от меня самого же и знала, а откуда она знает, о чем думает папа? Надо как-нибудь расспросить.

Да, про Катю. Катя сама подошла ко мне на первом экзамене. Я бы не осмелился. Я стоял тогда в растерянности посреди институтского двора, кричал про себя: «Папа! Ты самый лучший папа! Я очень тебя люблю!», и никак не мог понять, куда мне двигаться? В какую аудиторию? Стоял в маминых красных туфлях на каблуке (наконец-то моя нога доросла до маминой), широком пальто с меховым потертым воротником и вязаной шапочке с большим помпоном. Под пальто — узкие джинсы и белая парадная рубашка. Тоже мамина. А вокруг меня абитуриенты мечутся, лето и жара под сорок.

Катя остановилась и уставилась на меня, как на сумасшедшего.

— Ты дурак? — пискнула серьезно.

Я понял, что она не издевается, не шутит, просто интересуется. Уточняет обстоятельства.

— Нет.

— Гей?

Так в лоб меня никогда прежде не спрашивали. Да, называли, как припечатывали, но не интересовались истинным положением вещей.

— Нет.

— А что за прикид?

— Это все мамино, — начал было я вдаваться в подробности, но передумал. — Прикид как прикид. Мне нравится.

— Не жарко?

Я в ответ только помотал головой. Помпон заскакал, зажил своей жизнью.

— Смешной ты.

Я улыбнулся и стянул с головы шапку. «Смешной» — это не самое худшее из того, как меня называют.

— На какой факультет поступаешь?

— На психологический.

— И я. Будем лечить друг друга, — сказала тогда Катя и зачирикала птицей. Это она так смеётся: «чирк-чирк-чирк». — Побежали.

Она взяла меня за руку и пристроилась к моему корявому шагу. Катя, в отличие от меня, была не на каблуках, а в кедах.

Мы бежали по институтскому двору, и я думал, что мне давно не было так хорошо. А каблуки отбивали: «Цок-цок-цок». И я понял, что готов за этой Катей-птицей лететь, бежать, ползти куда угодно. Лишь бы только она держала меня за руку и чирикала-смеялась.

Мы оба поступили. Ну, в том, что поступила Катя, ничего странного не было, с её-то баллами. А я... Повезло мне, наверное. С появлением в моей жизни Кати мне вообще начало везти.

Первого сентября, сразу после занятий, завалились с Катькой в кафе. Надо же отметить такое событие, как первый учебный год в институте. В кафе уже выяснили, что оба не пьем, даже не пробовали ничего спиртного, я признался, что закуриваю сигарету и вдыхаю дым, Кате признаваться было не в чем. После первой порции капучино я, как на духу, все ей о себе рассказал. И про маму, и про папу, и про баб Нину, и про каблуки.

* * *

Папа как начал пить в день маминых похорон, так и пил почти год. Нет, не до такой степени, чтобы не работать и в лужах валяться, но я его чаще видел пьяным, чем трезвым. Трезвым он, пожалуй, только на работе и был. Утром был мрачным и отстраненным: что я дома, что меня нет, его не волновало. Хотя нет, как я могу утверждать, что его не волновало мое отсутствие, если я по утрам все время был дома. Даже если, сбегая от папы, я ночевал у баб Нины, возвращался домой до того, как папа проснется. Готовил нехитрый завтрак, заваривал чай.

Спустя какое-то время после маминой смерти я решил разобрать ее вещи, которые папа кучей свалил в один из шкафов. Тут-то и наткнулся на мамины туфли. Папа, оказывается, ничего не выбросил. И пальто красное откопал, мамино любимое, и шапку с помпоном, которую она надевала, когда ходила на лыжах. Из всего найденного более-менее по размеру мне оказалась только шапка. Пальто на мне болталось, как на вешалке. Мама не была хрупкой, она была одного роста с папой, а я, непонятно в кого, был щуплым.

— И в кого ты такой худосочный? — часто сетовала баб Нина, на-

ливая мне вторую порцию её фирменного рассольника. — Кормишь тебя, кормишь, да все как не в коня.

Среди прочих вещей нашел коробку с мамиными, никому уже ненужными теперь, документами, бижутерией и косметикой. Косметику сразу выбросил и начал просматривать бумаги. Какие-то счета, вкладыш к диплому, справки и документ о моем усыновлении. Так я узнал, что папа мне не родной и полюбил его еще больше. Если бы узнал это от самого папы, то, наверное, сразу бы разлюбил и стало бы легче жить, но нет, папа ни словом не обмолвился. Только делом. Он только на деле высказывал незаинтересованность во мне.

Натянув шапку с помпоном, я схватил документ и побежал к баб Нине. К кому же еще?

Соседка нацепила очки и внимательно всё прочла.

— Сколько тебе лет? — уточнила она.

— Тринадцать, — ответил я сквозь слезы.

— Взрослый уже. И без папки справишься. Но с папкой лучше.

Баб Нина разорвала документ об усыновлении на мелкие кусочки и спустила в унитаз.

— Забудь, Сева, — сказала она и добавила, — что это за шапка дурацкая на тебе?

— Мамина, — тут уж я разревелся. И по маме плакал, и по папе. И по шапке.

— Ну, если мамина, то носи. Но выглядишь ты в ней как дурак последний.

Так шапка ко мне и приросла. Или я к ней. В первое время, как только встречался глазами с папой, тут же натягивал шапку на лицо. Боялся, что он по моим глазам догадается, что я все про нас с ним знаю. Я очень боялся проговориться, пусть даже и взглядом, поэтому убедил себя, что в шапке я невидим. Собственно, сильно убеждать не пришлось: папа и без шапки проходил мимо меня, как мимо пустого места, иногда бросая пару «сильно поддерживающих» меня фраз.

— Что ты, как дурак, в этом колпаке постоянно ходишь?

Я в ответ только пожимал плечами и натягивал шапку на глаза.

Когда и баб Нина, и папа смирились с шапкой, перестали ее на мне замечать, я впервые надел мамины туфли. В папино отсутствие, конечно же. Ходил в них по квартире, держась за стены и дверные

косяки. Ходить было трудно, бедная мама. Вся мамина обувь была мне большевата. То ли я к тринадцати годам оставался физически недоразвитым, то ли у мамы был такой большой размер, но факт оставался фактом. Тем не менее, как только папа за порог, я надевал туфли на каблуках и ходил по квартире. Цок-цок-цок. Ходил и плакал, как дурак. И даже шапку на лицо не натягивал, ведь меня все равно никто не видит. И никто не любит так, чтобы почувствовать мое горе на расстоянии. Нет, баб Нина меня любит, ей просто некого больше любить, но она не такая чувствительная, чтобы через два подъезда прочувствовать мое горе. Возможно, когда я не мельтешу перед ней, она вообще обо мне не думает. Кто ее знает, эту баб Нину? То, что я постоянно думаю о ней и о папе, вовсе не означает, что и они обязаны. Так я рассуждал, цокая по комнате.

В один из дней, не назову этот день прекрасным, папа меня застал. Нет, он не пришел раньше домой, это не в его правилах, просто я потерял счет времени. Я тогда уже достаточно сносно ходил на каблуках и... Не помню никакого «и», тупо не помню, почему не снял и не спрятал туфли до папиного прихода. Это не важно. Папа открыл дверь своим ключом, а я в этот момент — цок-цок-цок — хотел прошмыгнуть из кухни в свою комнату. Идиот. Надо отдать папе должное, он не сразу начал оскорблять, сначала остолбенел. Смотрел на меня, как на пиявку, нет, даже как на раздавленную пиявку, из которой чужая кровь наружу льется. Чужая кровь, чужие туфли — в моей голове от страха все перемешалось и сердце стучало так, что чудом не лопнули барабанные перепонки. А папа все стоял и переводил взгляд с туфель на шапку. С шапки — на туфли. Мне в глаза не смотрел, хотя я не отрывал от него взгляда. Мне просто в тот момент больше не на кого было смотреть.

— Я еще и пальто мамино ношу, — непонятно для чего сообщил.

Первое, что сделал папа, придя в себя, — ударил меня. Бил он меня впервые. Поэтому мы оба к этому были не готовы. Папа, видимо, хотел ударить по лицу, но в последний момент передумал — и удар пришелся в плечо. Я, конечно, не устоял на ногах. Во-первых, я здорово испугался, что одним ударом он не ограничится, во-вторых — каблуки. На каблуках, да еще в туфлях большего размера, достойно принять удар оказалось сложно. Да я, честно говоря, и не знал, как это — достойно принять удар от родного папы. Ну, пусть не от родного, но любимого. Упав, я впервые мысленно прокричал:

«Папа, ты такой хороший папа! Ты самый лучший папа на свете!». Интересно, что бы произошло, прокричи я все это вслух? Не знаю. Не знаю, не знаю, не знаю.

— Придурок, — жестко сказал папа. — И в кого ты такой придурок?

Я зажал уши руками и начал орать. Орал не от боли, нет, и не от обиды, просто я очень испугался, что папа добавит: «Точно не в меня ты такой, потому что ты не мой сын». И, что еще хуже, может вдруг скажет, чей я сын. И что мне потом делать? Потом мне только уходить из дому к тому, чей я сын, а он, скорее всего, живет далеко от моего самого лучшего папы и баб Нины. Я бы разлуки с ними не вынес.

Но папа ничего не сказал. Или сказал, но я сквозь свой ор не расслышал. Папа переступил через меня и пошел в свою комнату. К ужину он в тот день не вышел, а я нажарил ему картошки. Я же с того дня только в маминых туфлях и ходил. Не знаю почему. Не в знак протеста, нет, и не назло папе, еще чего не хватало. Видимо, просто, что-то в голове замкнуло. Или тупо из-за «цок-цок-цок»...

Баб Нина, кстати, нашла в себе силы не издеваться и не ржать надо мной. Первое время, как я приходил к ней в маминых туфлях и бойко цокал по ее квартире, она выглядела испуганной. Даже более испуганной, чем я. И я понял, что ей не только любить некого, кроме меня, но и не за кого больше бояться.

— Баб Нина, — сказал я ей тогда, — ты самая лучшая Баба Нина на свете. Я тебя очень люблю.

Вслух сказал. Баб Нина взвыла и прижала меня к груди, как родного. Вот именно в ту минуту — как родного. А до этого прижимала, как бедного соседского мальчишку.

— Баб Нина, а давай котенка заведем? — попросил я. Видимо, прижатый к груди, решил воспользоваться правом родного человека.

— Конечно, миленький, — только и ответила соседка. Если бы я ее попросил котенка до своего признания в любви, она бы ответила: «Закатай губу, Севка. У себя дома заводи котят». А тут: «Конечно, миленький».

Миленький... Меня никогда прежде так не называли. Мама в редкие минуты нежности говорила: «Севчик».

Котёнка баб Нина приволокла на следующий же день. Такого же

худого и горластого, как я.

* * *

В тот день, когда я вдруг, неожиданно для самого себя, сообщил Катьке, что решил выбросить женскую обувь на каблуке, а заодно и мамино красное пальто с уже изрядно потертым мною воротником, мы еле высидели первую пару. У Кати буквально руки чесались, так хотелось ей меня приодеть в нормальное. Она тогда именно так и сказала: «нормальное». Потом, конечно, ойкнула, чирикнула и прикрыла тонкими пальчиками рот. Даже не просто прикрыла, а похлопала пальцами по губам.

— Катя, — шепотом спросил я, чтобы совсем уж не привлекать к нам внимание педагога, который что-то нудно бубнил за кафедрой, — ты, выходит, тоже считала меня ненормальным?

— Ну что ты, Севочка-миленький, я просто оговорилась.

Катя еще что-то убедительно чирикала, но я уже не воспринимал. Я застрял на слове «миленький». Катька впервые так меня назвала, поэтому я натянул шапку на глаза и сосредоточился на своих мыслях. А в мыслях сплошное: «Папа, ты самый лучший папа!». Черт, надо с этими мыслями что-то делать однозначно. Как минимум, хотя бы раз проговорить это вслух.

— Всеволод и Екатерина, прекратите разговоры! — преподаватель повысил голос.

Я моментально поднял шапку на лоб. Мы с Катькой взялись под столом за руки, стрельнули друг на друга глазами, Катька коротко чирикнула, я хмыкнул, и мы замолчали.

Поэтому и смотались из института после первой пары в ближайший универмаг, чтобы не раздражать разговорами следующих лекторов.

В универмаге я моментально растерялся. Нет, не потому, что практически все притормаживали рядом с нами и пялились на мое пальто и сапожки на каблуках, к этому я уже привык. Я растерялся, потому что вдруг понял, что не знаю, как делать правильные покупки. До сегодняшнего дня я покупал себе только джинсы и обувь в женском отделе. В том отделе даже продавщицы ко мне уже привыкли. Ну, рубашки и майки покупал время от времени. Учитывая subtilность фигуры, мог купить как в мужском, так и в женском отделе. Пальто донашивал за мамой, я просто врос в это пальто.

— Ты помнишь, — обратился я к Катьке, — что шапку я менять не буду? Пока останусь в этой. Только пальто и обувь.

— Помню, — пискнула подруга. — Носи на здоровье. Я же не зверь, чтобы сразу с тебя и шкуру, и скальп стягивать.

Я судорожно втянул носом воздух. Никак не удавалось расслабиться. Почему-то вспомнилось, как папа меня ударил, впервые застав на каблуках, а баб Нина вжала меня в грудь и все шептала: «Миленький, миленький».

— Баб Нина будет рада, — сообщил я Катьке.

— Ага.

— И папа. Наверное.

— Ага, — Катя взяла меня за руку. Она всегда, как только я вспоминал папу, брала меня за руку. Даже в аудитории.

Так, взявшись за руки, и побежали по отделам. Купили мне оранжевую куртку и кеды, почти такие же, как и у Кати, только мужские. Катьке каким-то образом удалось обаять всех консультантов, которые предлагали нам помощь. Так что, как мне кажется, было весело. Я, честно говоря, был в легком шоке и толком не понял, что чувствую.

Из универмага я вышел в обновках. В мужской куртке и мужских кедах. Поэтому никак не могу объяснить, почему то, что случилось дальше, произошло именно в этот день и в тот час, когда я был уже не на каблуках и не в мамином красном пальто.

Мы с Катькой решили отправиться к баб Нине, чтобы та заценила обновы, ну и порадовалась за меня.

— Вот увидишь, — трещал я по дороге, — баб Нина сейчас так меня к себе прижмет, что кости хрустнут.

— Чьи кости? — пискнула Катька. Она всю дорогу не шла, а скакала, уцепившись за меня. Она всегда скачет, когда не может справиться с нахлынувшими чувствами.

— Мои, чьи же еще? До баб Нининых костей не так-то легко добраться. Это я — воробышек, а она — пингвин.

Мы с Катькой остановились, согнулись пополам и начали смеяться на весь двор. И именно в этот момент меня окликнули. Голос я узнал сразу — продавец из киоска, которому я утром показал средний палец и решил, что последнее слово осталось за мной.

— Ты, пидор! Куда свои каблуки дел, а?

Я перестал смеяться, выпрямился во весь свой, скажем, не бога-

лужу. — Мальчик мой! Миленький мой, как же это, а? Кто же тебя?

Значит, не видела, кто. Этот, с арматурой, только наступает медленно, а отступает, видать, быстро.

Баб Нина схватила меня за грудки и попыталась поднять.

— Не надо! — Катя хлопнула баб Нину по руке. Ничего себе! Даже я не позволял себе такого. — Не трогайте его! Нельзя до приезда скорой! Нельзя!

А я смотрю на них обеих и насмотреться не могу. А перед глазами только нависшее небо. А в голове: «Цок-цок-цок».

— Сева! Сынок!

А вот это уже папа. Откуда он тут взялся в рабочее время? Откуда? Тоже, что ли, решил прогулять? Или у него новое расписание, о котором я ничего не знаю?

Папа упал на колени рядом со мной, распростертым в луже.

— Скорую вызвали? — спросил непонятно кого.

— Да, — пискнула Катя.

— Се-е-е-вка, дурак! — продолжала оплакивать меня баб Нина. Я обратил внимание, что моя любимая соседка изо всех сил прижимает к груди Катьку, которая рыдает, как маленькая.

— Сынок, — папа склонился надо мной. В носу у меня защипало. — Ты не бойся, сынок, я не дам тебе умереть. Еще чего не хватало.

Раздался вой машины скорой помощи.

— Папа, — крикнул я во все горло. — Ты самый лучший папа! Я тебя очень люблю!

— Не бойся, сынок. Все будет хорошо. Слышишь, скорая уже рядом.

По выражению папиного лица я понял, что он ничего не слышит.

Потому что я опять кричу про себя. Про себя, бли-и-и-и-н.

Потому что уже не могу вслух. Раньше надо было.

— Не закрывай глаза, Севка! Не закрывай глаза! — кричит папа и еще ниже склоняется надо мной. — Смотри на меня, сынок, смотри! Все будет хорошо!

Я и смотрю.

Я верю папе — все будет хорошо.

Папино лицо нависло надо мной и перекрыло небо.

Тинкай Тынық-ай

УТЁС

рассказ

Май выдался холодным. Впрочем, здесь никогда не бывает слишком жарко.

Сюда я приезжала десятки раз – ведь море всегда исцеляет, смывает любые раны. В этот раз из-за череды событий – грустных, разбивающих сердце, подрывающих доверие к миру и к самой себе – событий, каждое из которых оставляет в душе огромный, не способный уже зарости благодатными цветами ров, мне понадобилось самое укромное, самое сокровенное из всех моих мест.

Я приехала на Утёс.

Шестьдесят лет назад здесь стоял советский пансионат – с тем самым размахом, с теми амбициями, с той монументальностью эпохи: огромный комплекс на террасах предгорий, со специально разбитым на сухой глиняной земле парком с фонтанами, аллеями, цветниками. Всё это – на фоне ярких, контрастных гор.

От пансионата к берегу спускались две колоссальные лестницы, по двести ступеней каждая. Наверное, когда-то под бодрящую советскую музыку отдыхающие спускались тут к морю – и всё это было живым, наполненным, помпезным и размашистым.

Теперь от этого места остались только полуразрушенные – нет, почти до основания разрушенные – деревянные домики, остатки огромных строений непонятного, уже нечитаемого назначения, иссохшие, потрескавшиеся фонтаны, скелеты изломанных лавочек,

---

Татьяна Шолудько (псевдоним Тинкай Тынық-ай) – писатель, путешественница. Обладательница Гран-при литературной премии «Алтын Тобылғы» 2016 за повесть «Қазтабан» в номинации «Лучшее произведение к 25-летию Независимости РК». Лауреат Республиканского конкурса «Ұлы дала» за повесть «Қазақстанец». Произведения неоднократно входили в шорт-листы электронных библиотек. Совмещает литературную деятельность с работой в сфере социального развития. Живет в Астане, Казахстан.

фрагменты мраморных статуй...

Территория давно разбилась на множество маленьких участков: одни загорожены железными листами, на других замерла стройка. Кое-где виднелась рабочая техника, которая крушила ржавые заборы или скидывала мусор.

Старое было безнадежно утрачено, разрушено, мертво и стремительно отходило в небытие, а новое так и не возшло – и, казалось, никогда уже и не сможет.

Всё, что осталось от старого Утёса – две лестницы. Хотя и они впитали дух разрушения: некоторые бетонные пролёты раскрошились, оголив ржавые угрюмые кости арматуры. Между ступенями пробивались кустарники и колючки.

Я поселилась в одном из почти достроенных домов отдыха – на самом краю утёса, с видом на море, неподалёку от лестниц.

Дни здесь были стремительными – наполненными бегущими облаками и невысокими, но быстрыми волнами тревожного холодного моря. За моим домиком бегали бездомные собаки, иногда сцепляясь в страшных драках. По ночам в глубине холмов хохотали и плакали шакалы.

Я изо всех сил старалась раствориться в этом мрачном, но чарующем декадансе и слиться с его неуместной и призрачной надеждой на возрождение.

Однажды, спускаясь по лестнице – ступени, пролёт, ступени – я уловила, как к свисту ветра и шёпоту волн добавился ещё один звук. Разговор радиоприёмника. Слов было не разобрать, но голос резко, сухо и жёстко о чём-то рассказывал.

Пройдя ещё несколько ступеней, я увидела: чуть ниже по склону, между лестницами, стоял старый мотоцикл – уставший от дорог, пропитанный машинным маслом и пылью. А рядом, на соседнем пролёте, сидел мужчина.

Я не успела понять почему, но моё сердце испуганно вздрогнуло. В его выгоревшей тёмно-зелёной куртке, в болезненно прямой осанке и скудном багаже читалось что-то страшное.

Кожа его была сожжена солнцем до тёмно-коричневого цвета, что сильно контрастировало со славянскими чертами лица – было видно, что загар глубокий, давний, дорожный. Глаза... Глаза беглеца: дикие, опасные и в то же время напуганные – и от этого испуга колючие и злые.

Он сидел перед крохотным костром, разведённым из хвороста прямо на пролёте лестницы. Над огнём стояла банка тушёнки, и он медленно помешивал её алюминиевой ложкой. Радиоприёмник был закреплён за седлом мотоцикла, и путник внимательно слушал военные сводки страны, от которой нас отделяли тысячи километров.

Мы встретились глазами, но ничего друг другу не сказали. В моей голове пронеслось: «Дезертир?.. Далеко же ты...»

Не осуждая, но и не сочувствуя, я продолжила спуск к воде. Мятежное море уже утратило свой кристальный зимний облик, но так и не приобрело лазурный радостный наряд яркого лета.

Когда через пару часов я возвращалась обратно, мотоциклиста уже не было, но та мимолётная встреча оставила в памяти беспокойный, тёмный отпечаток.

В тот же вечер, сидя на балконе, укутавшись во все тёплые вещи и одеяла, я смотрела на внезапно побелевшее пустое небо, на серую равнину водной глади и пыталась осознать, что у меня ничего не осталось.

Всё, вокруг чего я строила свою жизнь: семья, ориентиры, будущее, картина мира и я сама – не изменились, не трансформировались, не переродились. Просто исчезли.

Я вдруг поняла, что море – то самое море, которое дарило мне радость с малых лет, море, на берегах которого я влюблялась и находила друзей, работала и отдыхала, путешествовала и мечтала – теперь стало символом моей утраты. Утраты доверия к миру и его дарам. Утраты детства.

Мне стало больно смотреть на это море.

Ощущение нарастало, пока не стало невыносимым. И тогда я решила бежать – бежать подальше, туда, где моря не видно и не слышно.

В горы.

Договорившись с одним из местных водителей, на следующее утро я спустилась с рюкзаком по лестнице, чтобы отправиться в далёкое горное ущелье. Как только автомобиль двинулся, с пустынной равнины справа, как потревоженная птица, вынырнул уже знакомый мне промасленный мотоцикл, на мгновение перерезал нам путь и скрылся в обратном направлении.

Машина скрипела, трясясь по старой дороге. В проржавевшем

дне, рядом с дверью, была пробоина, и я видела, как подо мной мчится растрескавшийся асфальт, а на пыльных объездах сквозь прореху в салон вривалась серо-коричневая взвесь, которая рассеивалась в воздухе, оставляя на лице и зубах песчаный налёт.

Наконец мы свернули направо, в сторону гор. Начался долгий подъём.

Я всем телом чувствовала, как машине сложно преодолевать путь наверх, и мне даже казалось, что это не она карабкается из последних сил, а я тащу в гору весь свой тягостный, непосильный груз. Как Сизиф толкаю его вверх по склону, понимая, что он неизбежно сорвётся на меня и унесёт с собою в бездну.

Редкие блики побережья сменились пустынными каменистыми предгорьями, затем – выгоревшими холмами. Наконец мы оказались в горном ущелье – широком, величавом, с тёмными елями на склонах. По мере подъёма небо затягивалось: сначала мутной плёнкой, потом сплошным серым покрывалом, а к месту моего прибытия оно полностью укрылось тяжёлыми мокрыми тучами, уронившими на окрестные вершины плотный туман. Скалистые пики и чернеющие рощи скрылись во влажной пелене, а от трёх высокогорных водопадов остался только клокочущий звук.

Сбросив вещи в одноместном потрёпанном шатре, я вышла на деревянную веранду. Горы не манили меня. В обычное время я бы тут же сорвалась, схватив рюкзак, исследовать все окрестные тропы. Сейчас я могла только сидеть, наблюдая за тем, как быстро движутся тучи, периодически обнажая то осколки голубого неба, то стальные силуэты далёких скал впереди и вверху по ущелью.

В этом состоянии я провела пару дней, иногда всё же выходя на небольшие вылазки – вверх по дороге или к реке, в которой поблёскивали разноцветные камни. Я доставала из ледяной воды сахарно-белый кварц и пронзительно фиолетовые аметисты, затем бродила в сухих изломанных камышах или поднималась через непролазные буреломы по узким руслам многочисленных ручейков наверх, пока не встречала совсем непроходимые завалы из огромных сухих потрескавшихся деревьев.

Было холодно. Было сыро. Было бессмысленно.

На третий день, когда в вершинах рассеялся туман – впрочем, было ясно, что это ненадолго – я нашла в себе силы двинуться к самому верхнему водопаду. Мне пришлось несколько раз пройти туда

и обратно вдоль подножья склона, чтобы найти подъём. Там, где, на мой взгляд, должны были быть тропинки, стояли заброшенные или нежилые лабазы, окружённые мощными заборами – не пройти. Понадобилось уйти очень далеко от своего шатра, чтобы найти хоть какую-то дорожку. Теперь я шла наверх, петляя, но сохраняя верное направление.

Первый, самый нижний водопад был, возможно, самым красивым, но и самым измученным людьми. У воды валялись пластиковые бутылки, обрывки этикеток, на некоторых кустах несчастно трепетали повязанные в кощунственном ритуале полиэтиленовые пакеты. На тропинке валялась чья-то оторванная подошва, как напоминание о том, что интерес человека к природе несёт ей неизбежную смерть.

Я вышла на дикую тропу – видимо, по ней лошади поднимали туристов. Это был очень крутой глиняный склон, скользкий и мокрый от частых туманов и дождей, со следами подкованных копыт. Поднимаясь, я постоянно поскальзывалась, испачкала локоть, плечо и колени в липкой глине, но в итоге всё-таки вышла на сухую каменистую тропку.

К тому моменту, как показался второй водопад, я уже взмокла. Струйки пота стекали по шее, а от воды шёл такой зябкий воздух, что у меня немедленно заломило голову. Этот водопад был самым высоким из трёх. Ничего, кроме холода, я не ощутила и двинулась выше.

В голове не было никаких мыслей, разве что где-то далеко, на заднем плане, сознание снова и снова проживало все те боли и беды, которые произошли со мной за последние полгода. Я гнала от себя эти болезненные видения и упорно шла наверх, будто пытаюсь спастись, сбежать от их угрюмых назойливых теней.

У третьего водопада мне встретилась тощая серая собака, которая посмотрела в мою сторону невидящим взором и похромала вниз.

Сев на обрыве, я смотрела на верхний водопад, срывающийся с самых вершин горы, из-под большого колючего снежника. Этот водопад был невысоким, но очень широким – из нескольких шипящих струй, широко раскинувшихся по полукруглому склону и сливающихся в один большой бурлящий поток. Он скатывался вниз, неся с собой холод снега и продуваемых ветрами вершин.

Я посидела несколько минут, пытаюсь почувствовать радость достигнутой высоты или восторг от вида – отсюда виднелись и неблизкое синее море, и серые клубы облаков, крепко осевшие на соседнюю горную гряду, и леса изумрудных склонов. Но чувства не желали разгораться. Внутри была только боль.

Утратив надежду, я начала спуск.

Я прошла буквально пару десятков метров, когда мой сизифов камень, невидимый, но осязаемый каждой клеточкой, не желая оставаться у водопада, качнулся всем своим весом и обрушился на меня.

Из груди вырвался неожиданный стон боли, и стойкие месяцы напряжения, обид, расставаний, чувства предательства и безысходности стали изливаться из меня потоком слёз. Где-то вдалеке уже слышался второй водопад, его звук отражался от стен ущелья и налетал на меня. Слёзы лились, как его струи. И, как его струи, они не прекращались и не приносили облегчения.

Спускаясь почти в бреду, я с трудом удерживала направление и не понимала, сколько осталось идти. Подойдя к шатру, я только задним умом отметила, что тропинка, которую я так долго искала по пути вверх, шла с горы прямо к его порогу.

Я вошла, стараясь держаться прямо и не позволить открывшейся бездне утопить меня, как уже случалось.

В первый раз, лет в семь. Однажды вечером я вдруг осознала, что человек смертен, значит смертна и я. А мне так хотелось верить, что за порогом гибели есть что-то ещё... Я, второклассница, сидела в своей комнате, крепко вцепившись в гигантскую плотную старую перьевую подушку, хранящую отзвук поколений – старших сестёр, родителей, бабушек и дедушек, и выла в неё – поскольку не могла нащупать внутри себя доказательств, что за этой пеленой что-то есть.

Спускаясь всё глубже и глубже в подземелья тьмы я видела, что после смерти ничего нет. Я исчезну. Меня не будет. Нигде и никогда. Я не могла смириться с этим, но почему-то продолжала нырять, цепляясь за дно, заставляя себя испытывать это отчаяние, этот страх, эту боль, и этот отказ верить в неминуемое.

Когда позже я зачем-то попыталась оценить силу той боли, она была на десять из пяти, то есть больше, чем я могла бы выдержать без ущерба для своей личности.

В другой раз, спустя много лет, судьба привела меня в прекрасный мегаполис, которым я наслаждалась целую неделю – ходила по музеям и театральным постановкам, по живописным проулкам и великолепным бульварам, пила вкусный кофе и пробовала невероятную мягкую выпечку.

А в последний день перед отлётом я уже стояла на подоконнике в своём номере на двадцать пятом этаже гостиницы. Открыв огромное окно – выше меня ростом, – я смотрела вниз. В проёме не было ни сетки, ни ограждения.

Я понимала, что внутри меня всегда будет жить эта разъедающая тьма, и рано или поздно, когда её станет слишком много, я смогу сделать этот шаг. Просто не сейчас.

Тогда по моей придуманной в детстве шкале было далеко уже не десять, а тысяча баллов. На следующее утро я проснулась с не по возрасту большой седой прядью волос.

Несколько месяцев я восстанавливалась, и со временем этот эпизод утратил надо мной власть, хоть и зиял в памяти, как пульсирующая огненная дыра.

И ещё однажды – ровно по центру временного отрезка между той ночью на двадцать пятом этаже и этим днём на трёх тысячах метров над уровнем моря – я пережила серию коротких, но гораздо более глубоких погружений на дно моего ада. Причины либо не было, либо я не желала её видеть. Выныривая измученная, я понимала, что они заслуживают оценки во все три тысячи болезненных баллов.

Те стремительные случаи были особенными, поскольку именно тогда моё расстройство дебютировало в полную мощь. Я поняла это, когда, валяясь на полу в адских спазмах, в мучительной душевной боли, от которой не было избавления, я иногда внезапно на секунды возносилась на вершины экстатического блаженства. Далее опять следовали бесчисленные падения на всё заглубляющееся дно, которое периодически выталкивало меня наверх, в неземное наслаждение и ощущение божественного присутствия.

Только тогда я поняла, что, вероятно, со мной что-то не так. И – как индульгенция, как искупление – это подтвердил мой долгожданный диагноз.

С тех пор свою жизнь я видела, как образ полёта над бескрайним океаном, в котором нет ни единого корабля, ни одного островка. Над

ним можно очень долго парить. Но рано или поздно спускаешься – сначала задевая волны крыльями, потом телом, а потом погружаясь в него всё глубже, с каждым разом обнаруживая неиспытанные ранее глубины. Да, иногда я поднимаюсь над водой, и поднимаюсь высоко. Но нет такой высоты, с которой океан бы показался меньше. Он всегда тут. Передо мной.

И сейчас он меня поглощал.

Продолжая сопротивляться, я поставила чайник и бросила в большую алюминиевую кружку немного горных трав. Но глубинные воды уже восставали и тащили меня на дно.

Я села на пол, не в силах стоять или двигаться. Грудь и живот свело в неконтролируемой спазме, но я почти не чувствовала этого, потому что внутри меня наполнили невыносимые мучения.

Такие ощущения испытывает мать, лишившаяся своего дитя на собственных глазах и по своей же вине, или солдат, переживший гибель всего своего отряда. Я испытывала пиковую горе – и оно не было привязано ни к чему в моей жизни. Потому что на этой глубине нет смыслов.

Есть только горе.

Бестелесное горе невозможно осознать. Его нельзя рационализировать, успокоить или отпустить. Оно просто есть, и нет ничего кроме. И горе это хуже любой боли.

Беспричинная боль мне тоже знакома, но её я давно приняла и полюбила. Она стала единственной константой в моей жизни, единственным близким другом, моим самым верным демоном.

В боли ты просто тлеешь.

Но горе – это другое. Горе – это когда ты бесконечно сгораешь заживо, и не можешь этого остановить.

Это состояние, оглядываясь назад, я не могу осмыслить даже в цифрах: десять тысяч баллов, сто тысяч, миллион? Пик страданий накрыл меня, скрутив тело и разорвав в клочья душу.

Под властью тридцати часов непрерывного ада все минувшие события перестали существовать. Ни одно предательство, ни один крах не имели и не могли иметь значения – потому что по сравнению с тем, что я испытывала эти вечные часы, они оказались мельчайшими пылинками на планете в далёкой звёздной системе, находящейся на самом краю безграничной галактики, воплощающей моё горе.

В минуты жалких попыток развернуться и выпрямить спину из позы эмбриона, я видела сквозь помятые полиэтиленовые окна шатра сгущающийся в конце ущелья туман. Наконец мне удалось даже встать, залить холодной водой травы в кружке и выйти наружу, чтобы горный воздух вошёл в мою грудь и расправил её.

Я видела всё те же горы, ту же реку, тот же водопад. Но теперь у всего этого был совсем иной контекст. Каждый объект, каждый миллиметр мира ненавидел меня – потому что я стала страшной разъедающей пространство дырой – и хотел изжить.

Мне казалось, будто я проживаю горе каждого человека и всего человечества за все прошедшие и будущие времена.

Незаметно наступила ночь. Начался дождь, и я лежала в шатре, укрывшись и глядя в пустоту. Дождь всё лил и лил, и лил, иногда превращаясь в град, который пытался разорвать тент и добратся-таки до меня.

В темноте было слышно, как по реке несутся сдавленные дождевым потокам валуны, сорвавшиеся со склонов. Они врезались друг в друга с гулким стуком, раскалывались и плюхались в воду, скользя по течению.

На мгновение по мне пронёсся страх: если сейчас какой-нибудь камень снесёт электрическую опору, я просто замёрзну здесь, потому что перестанет работать обогрев.

Когда я уже засыпала, растворяясь в лихорадке и не утрачивая чувства горя, раздался страшный треск. Земля дрогнула, и меня, лежащую на животе, подбросило и ударило лицом о постель. Видимо, склон сдвинулся под натиском воды, или где-то обрушился кусок скалы.

После этого я заснула.

Утром погода стала солнечной. Обнажились все пики, осветились все рощи. Река уже очищалась от глиняных примесей, которые сползли в неё ночью. Места, в которых я гуляла, собирая камни, изменились до неузнаваемости – по ним прошли безжалостные потоки, преобразовав русло.

Ожидая машину, которая увезёт меня вниз, я кинула взгляд на верхний водопад и обомлела. Он был погребён под обрушившимся снежником. Видимо, ливни подмыли его основание, и он рухнул, похоронив под собой водопад. Наверное, от этого ночью так сильно дрогнула земля.

Приехала машина, и мы начали спуск. Водитель расспрашивал о том, как я провела эти дни. Я отвечала автоматически и слышала себя со стороны. Голос звучал легко и оптимистично, моё отражение в переднем зеркале было живым и здоровым – разве что на глазах лёгкая мутная пелена, которую можно было бы списать на усталость.

Сейчас было уже не важно, насколько разрушена моя старая жизнь, потому что я и сама была разрушена до основания. Стёрся в пыль каждый кирпичик, каждый клочок моего внутреннего мира, сгорела моя психика. Осталось чёрное выжженное поле, и из его пустоты я бесстрастно наблюдала за собой, за дорогой, за несущимися мимо елями и кустами, за проступающим впереди морем.

– Куда теперь? – спросил водитель, выворачивая на побережье.

Я глянула на стремительно удаляющиеся пики ущелья, потом на спокойные волны. Сколько бы ни рушился мир – мой или сотен тысяч других людей – стоят многоликие горы, плещется изменчивое море, бегут, преобразуясь, облака.

Я задержала свой взгляд на небе. Оно смотрело, не осуждая, но и не сочувствуя. Честным, зеркальным взором, на который способно только небо.

– Домой, – вдруг измождённо сказала я и закрыла глаза.

ПӨЭЗИЯ

Вагдеви Махадевич

ПЕРСОНЫ

I

Она идёт по мумбайской улице.
Вокруг грохот, шум, гвалт и гам,
аромат жасмина, запах жареной в карри курицы,
неподалеку кафе «Шантарам».
Но ей туда не надо, сегодня
её ждут съёмки в кино,
но только не с Жаном Рено,
а с Анúшкой Шáрма.
Кто-то скажет: «Good karma»,
но это просто shooting такой – повезло.
Тут это часто бывает –
кино в Болливуде все время снимают.
Кто-то задаст вопрос:
«Неужели есть роль, слова?»
Нет, массовка, после съёмки в баре тусовка,
утром грязная голова,
тёплый душ, в косяке забита трава.
Он сказал «сreеру kush»,
но скорее всего соврал –
на вкус полная чушь.

Вагдеви Махадевич (духовное имя и творческий псевдоним Виктории Валюженич) – поэтесса, писательница, литературный редактор и переводчица. Резидент сообщества казахстанских писателей «USW» и член писательского клуба «Күнделик». Публиковалась в сборнике «Поэтика» (2023) и в журнале «Дактиль» (2025). В сентябре 2025 года дебютировала с первой детской книгой «Сказки Заилийского Алатау» на фестивале писателей и творчества «Fahrenheit». Перевела ряд книг (включая учебники для детей) с английского на русский язык и с русского на английский.

Жарко, влажно, косметика в никуда.
А помнишь, в июле на Балтике какая вода,
прохладная, свежая, прозрачная как слюда
и белый песок под соснами...Помню, да...

II

Он шагает в кроксах уже который год,
паспорт в прошлом, на тали хватает.
Всё же интересный индийцы народ –
одни ловят таких, другие жить помогают.
Байк несётся, рычит, ревёт мотор –
слышно всем окружающим псам и людям,
а в голове звучит в одного разговор,
этот извечный внутренний спор –
кто виновен во всем? Бог рассудит.
Ему бы сейчас матери позвонить,
обо всем спросить:
как здоровье, дела, сестра,
как там Серый из белого дома
с рыжей крышей,
что на краю села?
Но ком в горле каждый раз,
и слова вцепляются в десны,
будто ошпаренные.
Всё от того, что он в сердце раненный
собой самим, предал, сбежал...
А в детстве, помнишь, мечтал:
«Стану лётчиком-космонавтом!»
И прыгал в море со скал.

III

Теплый свет мягко капает
с листьев манго зелёных и жёстких
круглыми пятнами на гладкий чистый пол.
Мальчик бежит, но она его сцапает –
не убежать от бабушки, слишком мал он.

Утро. Рано и влажно.
Дождь прошел – этот муссон
кажется бесконечным, словно застывшим в вечности сном.
Потом она в школу его отправит с дедом.
Сегодня пешком
они вдвоем пойдут по мокрой дороге в тумане.
И она займётся своими делами:
помолиться за них перед Марией в тяжёлой раме,
осмотреть все горшки с цветами – любит их,
снять папайю с дерева – лишь одна созрела, пока нет других,
и отдать её девушке, что снимает у них верхний этаж дома.
Она любит её, как родную дочь – уже год, как они знакомы.
Сядет медленно на скамью у входа.
«Вот уж правда – сырая погода...» – подумает.
Но на сердце солнце, аромат цветов витает в её саду,
и колибри пьёт воду с листочка.
«Пойду-ка готовить еду» – скажет
и мягкими ступит шажочками,
чтоб не спугнуть кошку, перешагнуть её
и пойти по чистому гладкому полу в дом.
Новый день настал в её рае земном,
и лёгкое счастье нежится в воздухе,
кружась с вентилятором под потолком.

IV

Теплый ветер ласково вьётся меж длинных волос её,
обвивает талию, гладит плечи.
Одежды минимум – жарко, а про бельё
она и не вспомнила. Этот вечер
будет особенным – сердце шепчет.
Лёгкий скутер быстро её несёт
мимо старых и новых зданий,
пальм высоких, кустов бугенвиллеи,
и в промежутках меж ними
виден залив бенгальский.
«Мы, вот, огни тоже так называем.
Почему, интересно?» Мало-мальски

забавная мысль пронеслась и исчезла.
Вот уж берег знакомый и музыки звуки
возбуждают вмиг разум и чресла.

Танцевать!

Её божество, истина, суть –
танец, в нем она растворяется,
вновь рождается, стоит только взмахнуть
ей незримыми крыльями за спиной
и танцпол перед ней, как золотой аналой
раскрывает все тайны и жизни значение.
«Are you an angel?» – спросит рядом один,
Но она не ответит и ритм её сердца ускорится
от чистого звукопроникновения.

Ей ничего не надо, никого в этот жаркий блаженный миг...

Музыку лишь, что её растворяет,
Ритм, что страстно в такт сердцу стучит,
а после – рвётся и опережает.
Молнией «God is a DJ» в уме мелькнёт, и экстаз
вспыхнет огнями бенгальскими
в космоса бездне зрачков серых глаз,
вознося её дух над планетами райскими.

V

Совершенно потеряна, надломлена
и внутри словно льда кусочек.
От родного дома давно оторвана,
и уже не помнит его запах, оборвана
эта тонкая нить, и воспоминания смыты
волнами теплого моря, и белой пеной укрыты.
Как найти дорогу домой? Где остановка,
чтобы сесть на автобус с маршрутом:
«К себе»?
И чтобы билет в одну сторону
с печатью «Навстречу светлой судьбе».
Без ответа вопрос.
В липком воздухе мысли висят как плети.
Одна-одинешенька в целом свете...

И вдруг
по коже мороз – ощущение теплой руки на плече.
«Кто здесь?
Чумазый гоанский пёс? Давно потерянный друг?
Никого на пляже.
Но нет здесь сомненья даже,
что было прикосновенье.
Одно за другим набегают мгновенья,
и будто бы тает на сердце лёд,
и нет этой тяжести на плечах.
Игривой дорожкой блестит на волнах
свет луны золотой.
«Поеду домой».

VI

Упрямые локоны никак не ложатся на левую сторону.
Ему кажется, так красивей.
«Да ладно, – подумал, – так и будет пусть».
Щемящая грусть
снова за сердце схватилась, сжала,
и он словно уменьшился, стал ниже
и серая лужа как будто бы стала ближе
в зеркале заднего вида.
Взглянул на себя ещё раз, вышел из тачки.
«Давай, жми на газ! Не парься, и всё ей скажи, как есть.
Этих обид, громких фраз и страхов не перечешь.
Пусть лучше боль, чем эта бескрайняя пустота меж нами».
И вот уже мыслей и слов в голове цунами накрыло опять.
Как же хочется тишины...
Где эти яркие детские сны?
Где тот, кто верил, что феи есть и зуб убирал под подушку?
И долго хранил заводную игрушку на память зачем-то.
Стоит.
Руки в карманах платья, молчит
и просто смотрит прямо ему в глаза.
Капли дождя, мунсун в волосах, гроза.
Простимся?

Сейчас идеальный момент, как в кино.
Лучше без слов. Сердце на дно.
И в самый пик напряжения нервов – щелчок...
Вдруг тишина... исчез заводной волчок
чувств, эмоций и мыслей. И вдруг – осознание.
«Мы просто люди. Были всегда, есть и будем.
Нет расставаний, мы – суть одно.
А сейчас просто играем в этом смешном и грустном кино».
Дождь с неба льёт струями, как из ведра.
Живая вода.

VII

У нее есть сто рупий сегодня.
Много ли, мало ли?
Этот вопрос неуместным покажется всякому.
Это – ничто, ведь она иностранка, женщина белая.
Из-за такой случаются драки, красивая, смелая.
Но что-то очень худая, и глаза прячет, в руке сжимая банкноту.
«Мне воду плиз, хлеб и пару бананов».
Рядом двое уставились, словно пара баранов
на ворота новые.
Она чувствует взгляд, ее тошнит
и сердце так громко стучит,
что кажется, все его слышат вокруг – гулкий, гремящий звук.
На улице жарко. Сорок рупий ещё осталось.
В маленьком теле большая усталость.
В сердце надежды осколок застрял и болит.
Гоанский гамбит.
В голове миражи и глоток воды, как спасение.
В окнах домов суеты отражения и яркого неба синь.
Белый собор, дверь напротив открытая.
Вошла. Села.
Скамья деревянная, напротив из бронзы отлитая
Франциска Ассизского статуя, у входа коробка для подаяний.
Долго сидела.
Без покаяний иль нет, то не ведано никому.
В сладком дыму горящих лампад всё стало совсем иным, ясным,

простым.

Встала, к статуе подошла, долго стояла, а после рупии опустила в коробку.

Вышла. Мир тот же. Денег нет больше от слова совсем.

«Пойду ка домой, поем,
что Бог послал, а завтра будет день новый и, может быть...»
Тень от пальмы укрыла ее, облака продолжали плыть,
птицы в небо взлетали, и солнце сияло как прежде.
Вечная сила в надежде.

VIII

Русые волосы, ладони в песке,
на коже белые полосы,
куда не попало солнце своими лучами,
а в остальном всё тело покрыто загаром –
на пляже весь день.

Рюкзак за плечами, и ей объяснять не лень,
Про Ом, кундалини и асаны –
с йогой они давно завязаны, переплетены
и помазан серым пеплом

и красным кумкумом красивый лоб.

«Дышим ровно, глубоко и тихо.

А сейчас – стоп. Задержим дыхание.

Раз, два, три. Выдох медленно.

Мысли сотри и просто будь, бууудь ...»

В йоге давно она видит суть.

Эта жизнь не такая, как кажется,

но внутри всё так очевидно,

и ты можешь быть просто собой.

Можешь на паузу ставить процесс любой.

Стать огромной, вместить весь мир

и даже большой Сатурн, и все его 7 колец.

Можешь маленькой стать, как атом и огонь превратить в свинец,

можешь чистою стать водой и разлиться, как океан,

можешь белой стать слюдой и рассыпаться, как бархан.

Люди разные вокруг, но в каждом видит своё отражение.

Нити судеб, переплетение жизни и смерти в каждом одно,

а Истина смыслом дышит в её груди,
смотрит глазами её на мир и шепчет «Иди!»
Потому в ней страха нет больше совсем, а есть сила и созерцание.
В голубых, как небо, глазах облаков мерцание, а в улыбке тепло.
С ней и ночью светло.

IX

Он сидит в небольшой каморке,
улыбается, как Чеширский Кот,
ест мандарина дольки и что-то под нос напевает.
Вокруг толпится народ,
один уже себе выбирает, другой вопрос задаёт.
Ажиотаж, энергия страсти,
лёгкий кураж у каждого, кто сюда приходит.
Спросит прохожий: «Что здесь происходит?»
«Вы первый раз у нас?» – его голос, как контрабас,
слышен сразу и узнаваем тембр, и сам он – неподражаем.
«Пахнет сказочно. Отчего?»
«Так в Гоба лучшие благовония у него!» – кто-то скажет.
И вот уже очередь до лавки со сладостями скопилась.
А он сидит, словно добрый джинн в своей лампе волшебной
и разливает душистые, пряные масла
по изящным бутылочкам из тонкого стекла,
и смотрит в глаза, каждому улыбаясь,
в сердце радость вливает, играя,
и непременно дарит подарки.
Тихая мантра, что он напевает чуть слышно,
течёт, словно струйка дыма от палочек.
Рамакришна!
Да будет благословен это маленький райский сад!
Ом Тат Сат.

X

В голове его музыкальный резервуар:
ноты, фразы, ямы, семплы, биты.
Почему-то и чем-то заслуженный божий дар –

создавать звуковые мосты
между ним и танцполом, наполненном лицами,
поднятыми руками, пылью земной и запахом эйфории.

Умело играя звуковой волной,
вводит в транс, будто на терапии,
смешанный с космической частотой,
Шивы энергией, танцем Тánдава,
чтобы ты снова мог стать собой,
бесконечной частицей квантовой,
пульсом вселенной и пустотой,
что повсюду и в каждом в отдельности.

И в этом окне беспредельности
мандала звука раскроется всей своей красотой,
и взвееется дух, словно пламя в жерле вулкана...

А он стоит, как пророк пред людской толпой,
герой эпоса Рамаяна, и рукой наушники поправляет небрежно.

Раствориться – почти неизбежно под силой таких частот.

Космос вторит ему и поёт, будоража юную кровь.

Это как умереть и воскреснуть вновь –
музыку отдавать, как душу и тело, истину и любовь.

Александр Синдеркомб

ОСЕННИЕ СТИХИ

***

Прохладно, сыро, но осадков нет.
Синоптики в эфире денно-нощно.
Туман окутал ватой белый свет,
Запутавшись в деревьях безнадежно.
На цыпочках, наощупь, наугад
Крадется время, сны стирая наши.
И только кот необъяснимо рад
Разлившейся по миру простокваше.

***

В окне болтается луна...
А на луне уже зима!
Белым белó всё на луне
В моём окне.

Александр Синдеркомб – поэт. Родился в Алматы в 1980 году. По специальности переводчик. Публиковался в литературном журнале «Простор». Пишет песни на свои стихи. Участвовал в алматинском фестивале авторской песни «Зимний аккорд» в поэтическом отделении.

***

Ноябрь - поминальная пора.
Немые пятна пешеходов редких,
Холодный мрак вечернего двора,
Клубок гнезда в запутавшихся ветках.

Грядущие предвидя холода,
В осеннем небе, от всего уставшем,
Периной тёмной пухнут облака,
Вбирая звуки траурного марша.

До дыр затёрта старая скрижаль,
Огонь свечи густую тьму колеблет,
Вуалью чёрной чёрная печаль
Скрывает лик измученный и бледный.

А где-то – за окном – совсем один
Под первым снегом замерзает вечер.
Зима вливает свой лидокаин
В пустые вены, и как будто – легче.

ПЕРЕВОДЫ

Cleo Rohn

LIKE A PRAYER/ СЛОВНО МОЛИТВА

Перевод с английского языка Мейржана Курманова

BIRDSPEAK

in the park, he tells me a few patient scientists are learning
the language of birds. they're writing out steps, they're
procedurizing,
they're making a formula of the air between our ears. they're
cracking it. you can do it too, he says, i mean anyone
can. you have to start by finding a pair, they say, he says. you
need
to be still, you need to wait, you need to return again and again
even when you don't want it. listen to the way they word-dance
with one another, listen to their harmonies of need. unless of
course,

Клио Роун (Cleo Rohn) – поэт, перформер и преподаватель. Её корни – в сельском Вермонте, а ветви – в Сиэтле. В своём творчестве она исследует связь между человеком и местом, а также первоосновы, объединяющие людей. Помимо поэзии, Клио пишет о преподавании, ментальном здоровье, творчестве и парадоксальной природе человеческого существования. Её стихи публиковались в журналах Allegory Ridge, After Happy Hour Review, The Wild Word, The Water Tower и др.

Мейржан Курманов – поэт, прозаик, переводчик, редактор. Выпускник литературного семинара «Мастер-Класс» общественного фонда «Мусагет» (2004). С 2010 по 2016 гг. – редактор издательских проектов ОФ «Фонд культурного развития “Алдонгар”». Участник Алматинской писательской резиденции 2022 г. от ОЛША и американской программы IWP в секции «Литературный перевод» (AWR, 2022). Публиковался в журналах «Дактиль», «Простор» и др. Живёт в Алматы.

he says, they're not in love but at war, you know, not literal war,
but animosity. a battle cry can sound so much like wanting.
a confession and a caution just a quarter-note apart. with the
males, he says,
you can tell they've found a mate by how much they sing. he
doesn't tell me
whether love is quieter or louder than survival, and i've never
known
the difference. a cloud blows in, and his eyes are the air after a
bomb.
above us, crows move in arrhythmia. below us, the ground is a
cemetery
of words a man has told a woman. in the grass by his wrist, a
robin
approaches, inspects, flies away screaming. a greeting, i say.
a warning, he says. and we kiss - or break something, i don't
remember -
and the breeze around us stings the way only words can

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Мы в парке, он рассказывает мне, как несколько ученых
скрупулезно исследуют
птичий язык. они просчитывают шаги, вырабатывают подхо-
ды,
они создают формулу состава воздуха между нашими ушами.
они
просто взламывают его. и ты тоже можешь, говорит он, в
смысле, любой
на это способен. по их мнению, для начала следует найти
пару, говорит он. нужно
сохранять неподвижность и ждать, возвращаться снова и
снова
даже когда не хочется. прислушиваться к их словесным пля-
скам
друг с другом, слышать гармонию их потребностей. если,

конечно,
говорит он, между ними не война вместо любви, знаешь, не в
буквальном смысле, война,
но вражда. боевой клич может звучать и как стон вожде-
ния.
признание и предостережение с разницей в четверть ноты.
по тому, говорит он,
как поют самцы, сразу слышно, нашли ли они себе пару. он
не говорит,
тише или громче любовь желанья выжить, а я никогда не
слышала
разницы. налетает облако, и его глаза словно воздух после
взрыва бомбы.
над нами мечется воронье в аритмии. под нами – кладбище
слов,
сказанных мужчиной женщине. На траву у его запястья села
малиновка, осмотрелась и упорхнула со свистом. Это было
приветствие, говорю я.
предупреждение, говорит он. и мы целуемся – или ломаем
что-то, не помню –
холодный ветер жалит так, как могут лишь слова

NOT EVERY POEM HAS TO BE ABOUT GOD

Once in a while, maybe, a soliloquy for the Dunkin Donuts drive-
thru line,
For the exit ramps off the Mass Pike, the car fire in the
breakdown lane.
For the crust-punk kids pulling out their dreadlocks.
For insurance paperwork. For being on hold.
Ode to the wacky waving arm inflatable tube man at the Jeep
dealer,
breaking its empty skeleton over the horizon.
To the way the taillights of your town flow like currents.

The dying sun like melted ice cream across the highway.
Elegy for roadkill. For the muscle and sinew that's been picked
away.
For what's left: bleaching bone, gasoline fumes swirling in
marrow.
The last breath of something dying, breathed into the seed of
something newly born.
For worms in the soil, for the earthquake in New Jersey,
for the way the world shifts its weight like a schoolboy with our
stories on his back.
For the way the brake pedal breathes out
from the beating heart of the truck engine. Like a prayer.

НЕ КАЖДОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ О БОГЕ

Время от времени, может быть, внутренний монолог,
посвященный очереди в автокафе Dunkin Donuts,
Съездам с шоссе Mass Pike, горящему авто на аварийной
полосе.
Юным краст-панкам, что рвут на себе дреды.
Страховым документам. Режиму ожидания.
Ода дурацкому, машущему рукой надувному зазывале у ди-
лерского центра Jeep, без конца ломающему свое пустое тело
о горизонт.
Задним стоп-сигналам, что текут сквозь город алыми ручья-
ми.
Солнцу, тающему за автострадой словно мороженое.
Элегия сбитому на дороге животному. Разорванным мыш-
цам и сухожилиям.
Тому, что осталось: оголенным костям, радужным разводам
бензина в костном мозге.
Последнему вздоху умирающего – первому вздоху рождения
новой жизни.

Червям в земле, землетрясению в Нью-Джерси, миру, что смещает свой вес, как школьник под тяжестью наших историй на плечах.

Педали тормоза на выдохе пульсирующего сердца грузовика. Словно молитва.

THE FIRST TIME YOU SEE HIM WITH HER

every day for the last four months, it has rained
even when the sun is out
is what you won't tell him
there is rainwater pooling
under your boots, into the emergency exit
in fourth grade,
you could tread water for five minutes and forty-two seconds
in the cafe light, her hair
is hometown pool deep-end cerulean
you will try it again now

КОГДА ВПЕРВЫЕ ВИДИШЬ ЕГО С НЕЙ

последние четыре месяца каждый день идет дождь
даже когда светит солнце
то, о чем ты ему не скажешь
дождевая вода прибывает
под обувь, бежит к аварийному выходу
что в четвертом классе,
ты мог удерживаться на плаву пять минут сорок две секунды
в огнях кафе, её волосы
цвета глубокой части родного бассейна, небесно-голубого
ты попробуешь сейчас снова

THE CITY IS A CROSSWORD PUZZLE HALF-SOLVED

I.

My new neighborhood
tells me to climb a mountain
the day I move in. Instead,
I stack boxes in the elevator,
drag the pieces of my cardboard past
to the kitchen, lay down
on the linoleum, as if the floor
is a graveyard of lost friends.
This is the last compromise
left in my body.

II.

Since I forgot the sound
of your voice, I imagine
you sound like everything.
When summer winds its way
through the city,
and leaves gossip
in whispers to leaves,
I imagine you are calling.

III.

There are streets
the shape of you
I am afraid to walk down.
There are doors I'm afraid
to open, even more
I'm afraid to shut.
In the morning, I bathe
myself in unanswered
questions, sit quiet
in the silence you left.
At night, I lie in bed

and make the letters
of your name over
and over on my thighs.
When he asks what
I'm doing, I tell him
I am praying.

ГОРОД – ЭТО НАПОЛОВИНУ РЕШЕННЫЙ КРОССВОРД

I.

Новый район
зовет меня забраться на гору
в день заезда. Вместо этого
я складываю коробки в лифт,
тащу обломки своего картонного прошлого
в кухню, ложусь
на линолеум, словно
на кладбище потерянных друзей.
Последний компромисс
оставшийся в теле.

II.

Я забыла твой голос
и теперь представляю,
что он звучит как все вокруг.
Когда летний ветерок пробирается
сквозь городские улицы
и листья шепчут
друг другу сплетни,
я слышу твой голос.

III.

Есть улицы,
похожие на тебя,

боюсь по ним ходить.
Есть двери, которые
мне страшно открывать,
а еще страшней – закрыть.
По утрам я купаюсь в
вопросах без ответов,
молча сижу в тишине,
которую ты мне оставил.
По ночам лежу в постели,
снова и снова
рисую буквы твоего имени
на своих бедрах.
Когда он спрашивает, чем
я занята, я отвечаю,
что молюсь.

FOR THE PLOT

Do it, girl.

Cut your hair. Pierce your nose. Pierce it again.
Go to Target, buy every single decorative pillow.
Send the message where you beg him to love you.
Meet him again in a new city.
Meet him first in an old one.
Use “petrichor” in a sentence to let him know you’re alluring.
Use “petrichor” in a sentence to let him know you’re fresh soul.
Plant a perfect person in a cell phone and see what grows.
Reply to the boy on the screen. Reply again.
Light a firework. Light a forest fire.

Come on, girl. Do it.

Sit by the moon and watch dawn rise over hurt.
Rewrite the line until it ends just like you wanted.
Flip the coin and leave the room before it lands.

Walk backwards through memory until all your ghosts return home.

Bring anger to the vintage pop-up and trade it for fear.

Fill the tank, skip the exit.

Keep the world a mountain range away.

Slam your own door. Shout your own name.

Be the one that survives.

ДЛЯ СЮЖЕТА

Сделай это, девочка.

Состриги волосы. Сделай пирсинг носа. Проколи его еще раз.

Зайди в Target, купи декоративные подушки, все до одной.

Отправь сообщение, в котором умоляешь его полюбить тебя.

Встреть его снова в новом городе.

Встреться с ним впервые в старом.

Используй слово «петрикор» в предложении, пусть поймет, как ты обворожительна.

Используй слово «петрикор» в предложении, пусть поймет, как свежа твоя душа.

Посади идеального человека в мобильнике и посмотри, что из него вырастет.

Ответь парню с экрана. Ответь ещё раз.

Зажги фейерверк. Подожди лес.

Давай, девочка. Сделай это.

Сядь под луной и смотри, как рассвет восстает над болью.

Перепиши строку, пока она не закончится так, как ты хочешь.

Подбрось монетку и выйди из комнаты, прежде чем она упадёт.

Прокрути воспоминания назад, пока все призраки не вернуться домой.

Принеси гнев на винтажный поп-ап и обменяй его на страх.

Заправь бак, не съезжай с трассы.
Держи мир на расстоянии горного хребта.
Захлопни собственную дверь. Выкрикни своё имя.
Будь той, кто выжил.

INSOMNIAC

am I the only one not at the party
the cobwebs encase the cabinet hinges
the beans are cloaked in burial shrouds
if this building collapses
how many will make it
if the survivors loot my body
what will they be looking for
what if all the republicans die
in fits of exhalation
is this antibacterial
what if our parents wash away in rainstorms
the fuel gauge is half empty
and it's cold at 3 am
who will be the next of us to commit an arson
where did I put that card
will they let me in without it
I believe the city will collapse in a shake
the crack on the bridges prove it
my friends are kissing each other's tongues
and not telling me the stove is on
the gas lines beneath the sidewalk are hissing
the world is walking one direction
and I am screaming and running the other
what if I am late to who i am
what if the front door is locked
what if I won't let myself in

БЕССОННИЦА

неужели я одна пропустила вечеринку
густая паутина опутала петли шкафов
бобы завернуты в погребальный саван
если это здание рухнет
сколько людей спасется
если выжившие разграбят мое тело
что они будут искать
что, если все республиканцы умрут
задыхаясь в судорогах
это что антисептик
что, если наших родителей смоем ливнями
по датчику топлива осталось пол бака
а в три часа ночи холодно
кто из нас следующим совершит поджог
куда я дела эту карту
впустят ли меня без нее
я верю, что город рухнет в одночасье
трещины на мостах тому доказательство
мои друзья страстно целуются в губы
и не говорят мне о том, что плита включена
под тротуаром шипят газопроводные трубы
мир движется в одном направлении
а я с криком бегу в другом
что, если я опоздаю к той, кто я есть
что, если входная дверь заперта
что, если я не впущу себя

SØZDAY

Независимый литературно-художественный журнал

Наш журнал — это независимый литературный проект, созданный для поддержки и продвижения современной авторской прозы и поэзии.

Журнал представляет собой сборник литературных произведений, публикуемый в электронном и ограниченном печатном виде (тираж не превышает 99 экземпляров и предназначен исключительно для частного пользования).

Мы не являемся средством массовой информации, не публикуем новостные или публицистические материалы и не осуществляем информационную деятельность.

Все тексты — авторские произведения художественного и философского характера, распространяются исключительно в рамках культурного обмена и с соблюдением авторских прав.

Редакция не имеет возможности вести переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность и содержание предоставленных материалов. Все материалы должны быть оригинальными и неопубликованными прежде. Права на тексты принадлежат авторам. Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке любых наших материалов ссылка на журнал SØZ-DAY обязательна.

**НАШ ПРОЕКТ — НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА,
НАПРАВЛЕННАЯ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И
ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА.**

**МЫ ВЕРИМ, ЧТО ПОДДЕРЖКА ИСКУССТВА — ЭТО ВКЛАД
В ДУХОВНОЕ БУДУЩЕЕ СТРАНЫ.**

**ЕСЛИ ВЫ РАЗДЕЛЯЕТЕ НАШИ ЦЕННОСТИ И ХОТИТЕ
ПОМОЧЬ РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В РОЛИ МЕЦЕНАТА ИЛИ ПАРТНЁРА, БУДЕМ
ПРИЗНАТЕЛЬНЫ ЗА ЛЮБУЮ ФОРМУ ПОДДЕРЖКИ.**

**ВЫ ПОМОГАЕТЕ НАМ СОЗДАВАТЬ И СОХРАНЯТЬ
ВАЖНОЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВА ПРОСТРАНСТВО СЛОВА И
СМЫСЛА!**

SOZDAY@SOZDAY.KZ

+7 777 221 55 00

**ПРИГЛАШАЕМ НАЧИНАЮЩИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХ АВТОРОВ
НА КУРС ИЛЫИ ОДЕГОВА ПО ПИСАТЕЛЬСКОМУ МАСТЕРСТВУ**

«ЛИТПРАКТИКУМ: БАЗА»!

- Обучение сторителлингу
- Реализация таланта
- От 5 до 8 написанных рассказов по завершению курса
- Общение с единомышленниками
- Возможность публикации
- У выпускников курса уже более 50 изданных книг!

Подробности по ссылке: www.ilyaodegov.com/lit_baza

SØZDAY

#4 (05) 2025

Независимый литературно-художественный журнал
Основан в июне 2024 г.

www.sozday.kz

Главный редактор

Илья Одегов

Редакторы

Владислав Резников
Ольга Капитова

Координаторы

Жанара Аламанова
Дина Абдулхамид

Веб и CMM

Алексей Талаев
Алия Нуржанова

sozday@sozday.kz
www.sozday.kz